

АЛЛА ГОРЕЛИКОВА

МЕНТАЛИСТЫ
И ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ
КНИГА 2

Алла Гореликова

**Менталисты и Тайная Канцелярия.
Книга 2: Жаркая зима**

«Автор»

2026

Гореликова А.

Менталисты и Тайная Канцелярия. Книга 2: Жаркая зима /
А. Гореликова — «Автор», 2026

Мир, где идет тайная и явная борьба за постепенно исчезающую магию. Придворные интриги, таинственные преступления и самая обыкновенная девушка из нашего мира, которая постоянно оказывается не в то время не в том месте. И начальник Тайной Канцелярии, ко всем проблемам которого только одной попаданки и не хватало! Вторая книга тетралогии. Серия полностью закончена! Внимание! Раньше книга публиковалась под псевдонимом Алена Кручко!

© Гореликова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1, в которой тетушка Гелли представляет обществу свою племянницу Джегейль фор Циррент, а в Тайную Канцелярию приходит анонимный донос	5
ГЛАВА 2, в которой история Джегейль фор Циррент подвергается сомнению, а у переводческого заклинания обнаруживается неожиданное свойство	11
ГЛАВА 3, в которой адмирала фор Гронтеша посвящают в правду, просят его вспомнить о своих врагах и предлагают внимательно смотреть по сторонам	18
ГЛАВА 4, в которой в Офицерском Собрании пьют и сплетничают, а принц Ларк, сам того не желая, подставляет Джегейль фор Циррент под пари	24
ГЛАВА 5, в которой Никодес фор Виттенц развлекает виконтессу Джегейль фор Циррент, а та, соответственно, развлекается	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алла Гореликова

Менталисты и Тайная Канцелярия.

Книга 2: Жаркая зима

ГЛАВА 1, в которой тетушка Гелли представляет обществу свою племянницу Джегейль фор Циррент, а в Тайную Канцелярию приходит анонимный донос

Вечер был скучен, как монотонный осенний дождь за окном, и утомителен, как никому не нужное совещание. Впрочем, о совещаниях, «дорогом» начальстве и прочих прелестях прошлой жизни Женя вспоминала все реже. Вспоминать было банально некогда. Да и не очень хотелось, если уж честно. Конечно, по достижениям цивилизации Женя тосковала, но скучать по нелюбимой работе, нервирующим новостям по телевизору, очередному экономическому кризису — увольте! Уж лучше сосредоточиться на изучении нового мира. Жить ей теперь здесь, и думать нужно о будущем.

— Тянуть с представлением тебя обществу нельзя, — объяснила ей вчера после ужина тетушка Гелли. Виконтесса Эбигейль фор Циррент, которую Женя и в самом деле должна теперь называть тетей. А графа фор Циррента, начальника Тайной Канцелярии — дядей, разве не смешно?

— Я опозорюсь, — жалобно возразила Женя. — Может, подождать? Пока я хотя бы в платье не перестану дура душой выглядеть?

— Не выдумывай, — отмахнулась тетушка. — Ты выглядишь всего лишь неловко. А вот время играет против нас. Поползут слухи, и чем глупей они окажутся, тем сложнее будет опровергнуть. Приглашения разосланы, платье готово, необходимый минимум манер ты более-менее усвоила. Некоторое отсутствие воспитания, конечно, заметно...

— Но это даже к лучшему, — подхватил граф. — Ваша невоспитанность, милая Джегейль, отдает не вульгарностью, а неким иноземным шармом. В вас ощущается налет чуждости. Я предрекаю вам успех, дорогая племянница.

— Главное, не паникуй, — подмигнула тетушка. — Танцевать завтра не придется.

— И на том спасибо, — только и вздохнула Женя.

И вот теперь она старательно изображала из себя милую и относительно воспитанную девушку из далекой варварской страны, предоставляя столичному обществу материал для увлекательных сплетен. В малой гостиной особняка фор Циррентов собрались приятельницы тетушки Гелли, довольно тесный круг: «Чтобы не смущать милую девочку», — как объяснила она вслух. Правда, позже добавив заговорщицким шепотом, только для Жени: «Они будут гордиться причастностью к столь волнующей новости и разнесут ее мгновенно. Завтра вся столица будет говорить только о тебе».

Не то чтобы «младшую виконтессу фор Циррент» так уж это радовало, но необходимость она понимала. Смешно, наверное, но Женя мысленно сравнивала этот кружок скучающих дам с какой-нибудь тусовкой на форуме или в дневниках: хочешь запустить нужную тебе сплетню — расскажи ее в private десятку подружек.

От сплетни, которую собрался запустить граф фор Циррент, напрямую зависело выживание Жени. Никто не должен заподозрить, как именно она сюда попала. Еще бы: хотели призвать неиссякаемые запасы магической энергии из иного мира, а призвали девушку! И много вы дадите за жизнь этой девушки, если магия здесь — стратегический ресурс, а методы выка-

чивания ее из человека давно известны? И кому докажешь, что в Жене магии сроду не было дома и не появилось здесь? Сама Женя, по крайней мере, работай она в страховой компании, собственную жизнь при таких условиях не застраховала бы.

Ей несказанно повезло трижды.

Во-первых — ритуал проводили в Чародейном саду во время праздника с массовым гулянием. Казалось бы, глупее места и времени не придумаешь! Но именно на время этого праздника отменялся королевский эдикт, и маги могли творить любую волшебство, а магистр, который хотел таким способом пополнить запас личной силы, должен был находиться именно в Чародейном саду. Один из четырех Переломов года, традиционная волшебство, в общем, работа у него такая.

Во-вторых — магистр понял, что ритуал пошел неправильно, но о появлении Жени так и не узнал. А она тоже не успела наворотить глупостей — пока ошарашенно глазела вокруг, на рыжие осенние клены вместо привычных тополей, на толпу странно одетых и поголовно пьяных мужиков, на искрящиеся радуги вокруг собственных пальцев, ее заметил один из людей графа фор Циррента, начальника Тайной Канцелярии. Принял, правда, за парня, но какая разница. Выглядела она так же странно, как окружающие — для нее, к тому же растерянность и непонимание происходящего были у нее на лице написаны, так что ее аккуратно выперли из толпы и привели напрямиком «куда следует»: разобраться.

И наконец, в-третьих. Граф фор Циррент, который оказался на удивление приличным человеком при такой-то должности. Начал он, конечно, с подозрений — так ведь скудное содержимое Жениного рюкзака и впрямь выглядело подозрительно для этого мира! — но, выяснив правду, взял девушку «под крыло». Причем не то чтобы совсем без задних мыслей, но с мыслями исключительно приличными! Новые знания, свежий взгляд, в перспективе — работа. А чтоб совсем уж привязать к себе такую полезную чужеземку, взял да и принял ее в семью. Решили выдать Женю за дочку пропавшего давным-давно без вести кузена графа — Арбальда фор Циррента, брата тетушки Гелли. Романтическая получилась история: жила себе девочка на далеких Огненных островах, зная об отце только имя, и вдруг нате вам — маг наворожил через пень-колоду, и выдернуло ее напрямиком к отцовым родичам. Дурацкая, если трезво подумать, версия, вероятность совпадения — стремится к нулю, но тетушка Гелли сказала, что такое в столичном обществе пойдет на ура, под всеобщие охи и восторженный слезоразлив.

Так Женя стала Джегейль фор Циррент.

Надо сказать, здешняя ее жизнь началась как-то слишком уж бурно. Труп в Чародейном саду, два покушения на принца Ларка, а она вечно где-то поблизости — в нужное время в нужном месте, что называется. Принца, вон, вообще спасла, заслужив королевскую благодарность и слишком пристальное внимание — отчего граф и поторопился с представлением «племянницы» обществу. Она еще даже платья здешние толком носить не научилась! Хотя, как «утешил» граф, это лишь придает достоверности ее истории.

Женя аккуратно придержала подол, усаживаясь рядом с тетушкой. Она уже запомнила всех пришедших в гости дам, с каждой немного поговорила, придерживаясь подсказанных тетушкой тем: портной, столичные магазины, кондитерская, разные сорта чая тирисского и восточного, на вопросы о встречах с принцем Ларком — неопределенное пожатие плеч и таинственный полусмех: «Его высочество интересовался местами, где я жила раньше, но больше я ничего не могу сказать». И еще более таинственное на расспросы о прежней жизни: «Ах, оставьте, это слишком печально. Я так счастлива, что нашла родственников!»

— Развлечение на славу, верно, деточка? — шепнула на ухо тетушка. Женя тихонько фыркнула: как ни странно, несмотря на ее страхи, на скуку монотонных разговоров, на охи и ахи, от которых хотелось даже не смеяться, а ржать или хрюкать от смеха, она и в самом деле начала находить от этого вечера некое извращенное удовольствие. Приглашенные тетушкой

дамы с их «отпечатком столичной утонченности» — это не Женя придумала, это одна из дам так и сказала! — могли бы служить типажам для какого-нибудь романа девятнадцатого века, с никчемными салонными разговорами, любовными интрижками и горячими сплетнями. Ощущение, что она чужая и чуждая в этом кружке, было настолько ярким! Такая жизнь точно не по ней. А вот наблюдать это «мелкое коловращение» как бы со стороны, запускать в водоворот сплетен хорошо обдуманные фразы и представлять, как они кругами по воде расходятся по столице — и дальше... пожалуй, и впрямь забавно. По крайней мере, чем развлекается тетушка Гелли, Женя теперь понимала. Даже жаль, что сама она никогда не любила сплетничать, а то была бы в своей стихии!

Здесь процветал, в каком-то смысле, натуральный обмен. Рассказала о том, как готовят и пьют чай на Огненных островах — получила в ответ адрес недавно открывшейся кондитерской с замечательными заварными пирожными. Призналась, что принц Ларк был с тобой любезен и даже, пожалуй, мил, но ты все равно не понимаешь, чем он так привлекает девушек — на тебя тут же вывалили самые романтические из его любовных приключений. А могли бы и что-нибудь пикантное, будь Женя замужней дамой, а не «юной Джегейль, так неискушенной в столичной жизни... и вообще в жизни». Нравственность девушек здесь, оказывается, оберегали даже в сугубо женских разговорах.

Пожалуй, за этот вечер Женя узнала о столичной жизни и об этом мире не меньше, чем из бесед с графом, болтовни с тетушкой или прогулок с принцем. Но самое интересное ждало наверняка впереди, когда гости разъедутся по домам, а они с тетушкой и графом засядут обсуждать вечер между собой.

Женя успела полюбить язвительное остроумие и вездливые вопросы графа фор Циррента и очень ценила редкие вечера, которые он проводил с семьей. Иногда, конечно, он выделял время специально для Жени и среди дня, но тогда, как правило, расспрашивал ее на какую-нибудь наугад выбранную тему — чаще всего о странах ее мира, политике, истории, финансах и прочих государственных вещах. Совсем не то, что свободно текущие беседы, когда перескакиваешь от мушкетеров к де Голлю, от де Голля к финансовым пирамидам, а потом к пирамидам египетским...

Но все же нужно будет сказать графу: если он представляет себе будущую работу Жени на Тайную Канцелярию как такое вот «вращение в обществе», то это чистое издевательство! Нет, она понимает, конечно, что ничего серьезного пока не сможет — хотя бы потому что в мире толком не обжилась. Но ее рассказы о политике, географии, медицине и прочих реалиях родного мира — и то наверняка в сто раз полезнее!

В общем, решено — срочно, срочно обживать! А то сама не заметишь, как станешь не суперагентом-миледи, а штатным вбрасывателем слухов и собирательницей сплетен, вот уж спасибо за такую работенку!

— Вот уж спасибо, дорогой граф, за такую работенку, — виконт Фенно-Дераль, начальник королевской полиции, брезгливо повертел в руках лист дешевой серой бумаги, сложил его, как было, и спрятал в такой же дешевый конверт. — Проще выследить зайца по остывшему следу, чем найти отправителя такой вот анонимки, вам ли не знать.

— Знаю, Грент, — поморщился граф фор Циррент. — Потому и обратился к вам. Вы единственный, кто сможет хоть что-то выжать из такой малости.

— Разве что чудом, Варрен. Я попытаюсь, разумеется, но чудеса в наше время редки. Полагаю, вы добьетесь большего со своей стороны.

— Думаете, адмирал фор Гронтеш знает, кто пишет на него доносы? Ну-ну.

Старые приятели невесело рассмеялись в унисон. Дело и впрямь представлялось почти безнадежным, но и оставлять письмо без внимания не следовало. Хотя бы потому, что неизвестный «бдительный подданный» ждет от Тайной Канцелярии хоть каких-то действий и, не дождавшись, может предпринять свои шаги, куда более опасные, чем анонимный донос.

Проводив Фенно-Дераль, граф фор Циррент развернул снятую с доноса копию и перечитал снова, как будто десятое прочтение могло дать мозгу свежую пищу для размышлений.

«Бдительный и верный подданный короны спешит уведомить, что прибывший недавно в столицу адмирал фор Гронтеш под видом слуги имеет при себе тайного шпиона и соглядатая Огненных островов. Каковой шпион в равной мере владеет оружием и магией и потому весьма опасен. Также следует обратить внимание на привезенные адмиралом из последнего плавания трофеи, среди которых имеются магические артефакты неизвестной силы и назначения».

Похоже, что незадачливый убийца, подбиравшийся к молодому фор Гронтешу, не был единственным, кому не давали покоя богатства этого рода. Наверняка маг — для остальных фор Гронтеши, несмотря на все боевые победы и сопутствующие трофеи, почти нищие, с их древним замком посреди бесплодных пустошей. А маги наверняка облизываются на мощный, стабильный, много лет не использовавшийся источник в древней священной роще, один из немногих, остающихся частным достоянием одной семьи, а не Гильдии или короны. Магов в роду фор Гронтешей давно не рождалось, черпать из источника было некому. Накопилось там, уж верно, немало, если даже на убийство идут ради законного доступа к этой силе. А тут всего-то анонимный донос.

Однако насквозь корыстный интерес магов вовсе не отменяет вероятности того, что адмирал и впрямь привез из своих плаваний неоднозначные в магическом плане трофеи. Очень даже может такое быть, и притом безо всякого умысла — адмиралу чуждо тонкое искусство волшбы, он мог попросту не распознать в какой-нибудь безделке опасного артефакта.

Вопрос в том, как распознать такие безделки без помощи магов Гильдии? А никак! Место штатного мага Канцелярии давно пустует — нет надежного.

Хотя...

Фор Циррент вскочил, досадливо хлопнув себя по лбу. Как он мог забыть! Его «племянница» все еще может видеть магию! Умение случайное, плохо осознаваемое самой девушкой, в любой миг может исчезнуть. Но пока оно есть, нужно пользоваться!

Да и на слугу-шпиона поглядеть не помешает.

Граф пробежался туда-сюда по кабинету, взглянул на часы и, вздохнув, велел закладывать карету. Нет необходимости задерживаться на службе, его дамы наверняка ждут не дождутся возможности вывалить на него подробности первого появления юной Джегейль в столичном обществе. Хорошо бы то самое «общество» уже разошлось...

Графу повезло: Гелли и барышня Женья и впрямь ждали его, уже проводив последних гостей. Барышня выглядела немного утомленной, но Гелли так и лучилась довольством, и граф тайком перевел дух: похоже, вечер у дам вполне удался.

— Милые дамы, виконт Фенно-Дераль велел передавать вам наилучшие пожелания.

Гелли насмешливо фыркнула:

— Это намек на обстоятельства непреодолимой силы, вынудившие тебя задержаться, дорогой братец?

— Опять у вас там криминал? — посочувствовала Женья.

— Мелочи, право слово, — отмахнулся граф. — На сей раз никаких таинственных убийств, обычная рутина. Надеюсь, для вас вечер прошел приятней, чем для меня.

Женья картинно застонала, Гелли рассмеялась:

— Да, вполне. Деточка пользовалась успехом.

— Даже ни разу не запуталась в собственных юбках, — торжественно уверила Женья. — Это, несомненно, успех!

— И это тоже, — не моргнув глазом, согласилась Гелли. — Пойдем ужинать, Варрен. Мне почему-то кажется, что ты хочешь поделиться какой-то частью своей «обычной рутины», но вежливость требует от тебя сначала расспросить нас. Так вот, расспрашивать не о чем. Все прекрасно, завтра вся столица будет обсуждать удивительную судьбу Джегейль фор Циррент и наше с тобой чудесное обретение племянницы. Деточка умница, ни одной фальшивой ноты.

— Что очень удивительно, — встряла Женья, — все же первый раз...

— Это было видно, — кивнула Гелли, — но ведь так и должно быть. Милая, непосредственная, скромная девочка, воспитанная неплохо, но по-чужеземному, очень старается вести себя подобающе, очень счастлива таким поворотом в судьбе. Вот что все увидели.

— Что ж, отлично, — мгновение поколебавшись, граф приобнял Женю за плечи и добавил: — Дорогая племянница.

К счастью, девушка поняла его правильно. Слегка покраснела, но не отстранилась и ответила с улыбкой:

— Спасибо, дядюшка. И правда, пойдемте ужинать. Как сказал один мой любимый персонаж в одном хорошем фильме, я испытываю острое желание кого-нибудь укусить, ну хотя бы баранью ляжку.

Граф рассмеялся:

— Поверьте, милая барышня, я с удовольствием послушал бы эту историю, но сегодня у нас найдется другая тема для разговора. Расскажите как-нибудь, хорошо?

— Конечно, — кивнула Женья. — Вам понравится. Там дворцовые интриги и очень много политики.

— Тогда, пожалуй, нужно будет пригласить в гости его высочество, ему полезно послушать о политике и интригах.

— Уж это точно, — Женья рассмеялась, вспомнив принца Ларка — кем-кем, но интриганом тот явно не был. На редкость прямодушный молодой человек — не наивный, конечно, но... В общем, одно слово — военный, а не политик!

На этом разговор сам собой прервался — как пишут в романах, «дабы отдать должное превосходному ужину». Впрочем, граф настолько задумался, что не особо замечал вкус еды. Донос на адмирала фор Гронтеша не давал ему покоя. Чудилось в этой презренной писульке нечто странное, неправильное. Как будто они с Грентом заметили то, что и должны были заметить, упустив менее очевидное — но именно то самое неочевидное и было истинной целью доносчика...

В конце концов граф попросту отогнал это неприятное ощущение. Возможно, встреча с адмиралом что-то прояснит — и, в любом случае, даст более внятную пищу для размышлений, чем несколько строк на дешевой бумаге. Пока же нужно эту встречу организовать.

Самое очевидное решение — пригласить адмирала для беседы в свой рабочий кабинет в Тайной Канцелярии — граф даже не рассматривал. Не того масштаба человек Оннар фор Гронтеш, чтобы давить на него, тем более когда вина не то чтобы не доказана, а вовсе не факт, что существует. Разговор должен быть в высшей степени частным, абсолютно, категорически неофициальным. Напроситься на визит, поинтересоваться привезенными из странствий редкостями... Рассчитывать на непонимание не стоит — адмирал, конечно же, догадается о подоплеке визита. Значит, нужно всего лишь играть с ним в открытую. Сам исключительно прямой человек, он должен оценить такую же прямоту. Есть шанс, что ответит откровенностью на откровенность. А нет — хуже не станет.

После ужина граф пригласил барышню в кабинет. Достал из сейфа два артефакта — рабочую волшебную палочку, заряженную переводческим заклинанием, и конфискованный года три назад у одного контрабандиста погодный амулет.

— Скажите, дорогая племянница, вы видите на этих вещичках следы магии?

— Да, — тут же ответила барышня. — Они как будто в ауре из радуг. Здесь ярче, — показала она на амулет. Надо же, а граф полагал эту штучку почти бесполезным шарлатанством. Пожалуй, стоит отдать амулет его величеству, пусть найдет ему применение. Негоже полезной магии пропадать зря.

— Я собираюсь нанести визит одному... путешественнику. И хотел бы попросить вас сопровождать меня. Нужно по возможности выяснить, не привез ли он из своих странствий каких-либо магических вещей.

— Это если он вам их покажет, — непочтительно фыркнула девушка. — Будь я, скажем, злоумышленником, который хочет оставить такие вещи в тайне, я просто спрячу их подальше от гостей. Или вы устроите там обыск?

— Надеюсь, до обыска не дойдет, — абсолютно искренне ответил граф. — Я крайне уважаю этого человека. Надеюсь, он не впутается снова в нечистоплотные интриги, это не по его характеру. Первый раз был ошибкой, а он достаточно умен, чтобы не совершать одну и ту же ошибку дважды.

— Вы так старательно не упоминаете имени. Мне нельзя знать, кто он?

— Отчего же. Оннар фор Гронтеш, самый молодой адмирал королевства, легендарный путешественник и почти национальный герой. Отец Реннара фор Гронтеша, того самого шалопая, который лежит сейчас раненым вместо того, чтобы впутывать принца Ларка в очередные авантюры. Хотя там, конечно, еще вопрос, кто кого впутывает.

— Ага, тот самый, с которым мне не советовали разговаривать об Огненных островах, — вспомнила барышня. — И что мы ему скажем обо мне?

— Решим по ходу дела, — хмыкнул граф. — Возможно даже, нечто похожее на правду. Адмирал славится своей честностью, если он даст слово молчать, можно быть спокойным за любую тайну. Скажу прямо, Оннара фор Гронтеша я желал бы иметь в союзниках, но никоим образом не среди противников.

— Ну что ж, давайте посмотрим по ходу дела, — без особого энтузиазма согласилась барышня. — Я бы предпочла промолчать, конечно, но если он будет, как говорится, вращаться в столице, то всяко наслушается слухов обо мне, и наверняка заметит какие-нибудь несообразности.

— Вот именно, — кивнул граф. Раскрыл бювар с писчей бумагой, придвинул ближе чернильницу, задумался ненадолго. Он никогда не был в хоть сколько-нибудь дружеских отношениях со старшим фор Гронтешем, однако письмо не должно выглядеть официальным...

«Любезный адмирал, прошу простить мне возможную назойливость, однако для меня крайне важно навестить Вас в ближайшее время. Полагаю, Вам также окажется небезынтeресной цель моего визита.

Я также возьму на себя смелость представить Вам свою кузину, виконтессу Эбигейль фор Циррент, и племянницу, Джегейль фор Циррент. Возможно, вы слышали о том, что брат Эбигейль пропал на Огненных островах. Долгие годы мы полагали его погибшим, однако сейчас возникли обстоятельства, заставляющие нас усомниться в этих сведениях. Возможно, Ваша консультация окажется бесценной для нашей семьи.

С искренним уважением,
граф Варрен фор Циррент».

Дав чернилам просохнуть, граф протянул письмо девушке. Она прочла довольно быстро — дни в библиотеке не прошли даром. Кивнула:

— Частный визит по всем параметрам. Бедный адмирал будет ждать двух безутешных женщин, цепляющихся за соломинку. Вы коварны, дорогой дядюшка.

— Приходится, — хмыкнул граф. Признаться, одобрение в голосе «племянницы» его крайне порадовало.

ГЛАВА 2, в которой история Джегейль фор Циррент подвергается сомнению, а у переводческого заклинания обнаруживается неожиданное свойство

Адмирал фор Гронтеш оказался, можно сказать, знакомым — тот самый мужик, которого Женя видела спорящим о чем-то с королем. Тогда, издали и в профиль, он напомнил Жене Шерлока Холмса, но вблизи сходство было не таким явным. Резкое, умное лицо, тонкие губы, слегка прищуренные темные глаза, черные волосы собраны в хвост, как здесь принято. Худощавый, бледный, щеки впалые, выбрит гладко — аж выскоблен. И ко всему этому — умилительно лопухий. Женя улыбнулась, отвечая на приветствие. Адмирал ей, в общем, еще тогда понравился, а сейчас, при личной встрече, приятное впечатление только усилилось.

Не сказать, что старший фор Гронтеш был рад гостям. В его любезности легко угадывалось вежливое недоумение, а при взгляде на графа фор Циррента губы дрогнули в скептической усмешке: мол, знаем мы, зачем начальник Тайной Канцелярии напрашивается в гости к опальному бывшему герцогу. Разрешение вернуться в столицу вряд ли означало конец опалы, не зря же принц так беспокоился, наблюдая беседу адмирала с королем?

Однако, проведя их в гостиную, адмирал все же поинтересовался, не откажется ли господин начальник Тайной Канцелярии выпить с ним вина и что предпочтут дамы — вино или чай.

— Чай, пожалуйста, — радостно попросила Женя.

— Мне, пожалуй, тоже, — вздохнул граф. — Поверьте, дорогой адмирал, я рад был бы посидеть с вами за бокалом вина, но сегодня дела не позволяют.

— У меня не тириский, — то ли похвастал, то ли предостерег адмирал.

Граф снова вздохнул:

— Догадываюсь. Что ж, все же мы нанесли визит человеку, избороздившему все океаны мира. В вашем доме, адмирал, экзотика более чем уместна.

Женя снова улыбнулась. Покосилась на тетушку Гелли: та не слишком хотела спекулировать своей любовью к пропавшему брату и дома высказала это графу прямо. Однако согласилась с его возражением: «Это нужно для безопасности Джегейль», — и сейчас улыбалась слегка виновато, всем своим видом демонстрируя абсолютную безобидность их визита. Вот только Женя готова была поспорить, что адмирал ничуть не повелся на тетушкин милый вид.

— Итак, чем могу быть полезен? — почти сразу перешел он к делу. — Признаться, я слабо представляю, какая именно консультация могла от меня понадобиться двум прекрасным дамам.

«Вот интересно, — подумала Женя, — это комплимент или намек?» Для комплимента сказано как-то очень уж без души. А то, что адмирал догадывается, какого рода консультации может попросить спутник «прекрасных дам» — ну так это очевидно.

И еще интересно, когда граф начнет играть в открытую? Если бы спросили Женю — она предпочла бы говорить с адмиралом откровенно сразу же. Все равно разоблачить ее он сможет в пять минут. Но решать не ей...

— Как я помню, в ваши привычки не входит прислушиваться к столичным сплетням, — с абсолютно серьезным лицом начал граф. — Полагаю, все то, что говорят сейчас о моей семье, также прошло мимо вашего внимания?

Граф подхватил адмирала под руку, отвел в сторону и негромко о чем-то заговорил. «Пошла работа», — мысленно кивнула Женя и оглядела гостиную, стараясь не глазеть слишком уж откровенно: неприлично все же. А посмотреть здесь было на что. Национальный герой, первый клинок королевства и кто там он еще — адмирал фор Гронтеш не тащил из своих странствий все подряд. Здесь не было причудливых ракушек, каких-нибудь африканских масок

или индейских трубок (если, конечно, они вообще существовали в этом мире) и туземных божков вроде тех, что Женя видела в колониальной лавке. Адмирал коллекционировал оружие.

Под коллекцию была отведена целая стена. Были здесь мечи с клинками самых неожиданных для Жени форм — один, например, напоминал лист ивы, а у висевшего с ним рядом лезвие шло волнами. Шпаги разной длины, кинжалы, топоры, похожие на томагавки, ножи огромные и совсем небольшие... В ножнах и без, с волнистым узором по ослепительно блестящей стали и зачерненные — наверное, для ночных вылазок. Это вам не единственный клинок в колониальной лавке. До которого, кстати, так и не разрешили дотронуться!

Женя сама не заметила, как оказалась у этой стены — будто притянуло.

Новых клинков здесь не было. Оплетенные кожаными полосками рукояти потерты, на деревянных ножнах подпалины и темные, словно от крови, пятна. Наверняка у каждого своя история...

Что-то на периферии зрения казалось неправильным, раздражало. Женя сделала несколько шагов влево, заслонила ладонью от бьющего в широкое окно солнце.

— Ой...

Она поспешно шагнула назад от зачерненной катаны, вокруг которой плясали и переливались черные же радуги. И только потом сообразила, что ойкнула вслух.

— Джегейль? — «дядюшка» обернулся резко, словно и впрямь к любимой племяннице. Заметившей какую-нибудь мышь и завизжавшей. Похоже, он и в самом деле ждет чего-то... неприятного?

Женя не знала, можно ли назвать то, что она видит, довольно-таки нейтральным словом «неприятно». Почти незаметное глазу сияние темной ауры, в которой переливались, вспыхивая и угасая, то ультрафиолетово-синий, то глубокий алый, то темный, ближе к черному, зеленый, и в самом деле чем-то напоминало радугу, только не настоящую, а как будто на очень затемненной снимке. Красиво и жутко до мурашек. То ли этот меч проклят, то ли на нем какое-то очень уж смертельное заклятие.

— Ваша племянница, граф, легко нашла бы общий язык с моей дочкой, — адмирал как-то очень насмешливо фыркнул. — На почве восхищения совершенно не женскими игрушками.

— Надеюсь, ваша дочка не хватается за них голыми руками, — этот меч и впрямь просился в руки, манил, желание стиснуть пальцы на рукояти стало почти нестерпимым. Женя с трудом нашла в себе силы отшагнуть назад и сцепить руки в замок за спиной. — Ничего себе у вас тут агрессор.

— Этот? — адмирал подошел, пробормотал что-то — Жене показалось, что по-японски, и почему-то подумалось, что он назвал меч по имени. — У вас счастливый взгляд, барышня. Пожалуй, это самый любопытный экземпляр в моей коллекции. К нему прилагается довольно кровавая легенда, которую, впрочем, я не осмелюсь рассказать девушке.

— Я в нее заранее верю, — Женю передернуло. — Он проклят, да?

— Сложно сказать, — серьезно ответил адмирал. — Во всяком случае, последнего своего владельца этот клинок не подвел ни разу. Но выковал его проклятый кузнец, это известно точно.

Тут принесли чай, и Женя даже с некоторым облегчением отошла от стены с оружием. Хотя повернуться к проклятому мечу спиной почему-то так и не решилась, села так, чтобы его видеть. Черная радуга притягивала взгляд, Женя смаргивала, утыкалась в чашку, жадно вдыхая аромат настоящего, крепко заваренного черного чая.

Адмирал фор Гронтеш пил его правильно — без сахара, не разбавляя кипятком, а наливая в чашку из заварочного чайничка. Впрочем, и сласти, и кипяток на столе были, и Женя поухаживала за тетужкой Гелли, сделав ей так, как та любила — некрепкого. Тетужка разболтала в чае кусок сахара и взяла из вазочки дольку засахаренного яблока. Сказала, словно извиняясь:

— Что ни говорите, а к этому варварскому способу пить чай в мои годы уже не привыкнуть. И все же тирийские нравятся мне больше.

— Вы ведь к ним привыкли, тетя, — Женя налила себе, отпила немного и невольно вздохнула, прикрыв глаза. Этот чай был куда лучше купленного ими в колониальной лавке. Вяжуще-терпкий, насыщенный, свежий. Женя даже подумала, что при таком чае сумела бы отказаться от кофе. Да и что там осталось того кофе, на доньшке... — Прекрасный чай. Честное слово, господин адмирал, только ради этого чая стоило напроситься к вам в гости.

Племянница графа фор Циррента была... странной. Иного слова фор Гронтеш подобрать не мог, хотя сказать это вслух счел бы не вполне приличным. Граф зачем-то решил посвятить адмирала в последние столичные сплетни, касающиеся фор Циррентов: что семья и не подозревала о существовании Джегейль, пока та практически в буквальном смысле не свалилась им на голову непонятно откуда. Что девушка — дочь пропавшего еще в юности Арбальда фор Циррента. Тридцать лет прошло, и вдруг такой сюрприз!

«Вы сами-то в это верите?» — прямо спросил адмирал. Глупо было бы объяснять начальнику Тайной Канцелярии, насколько велика возможность обмана и как выгодно многим — очень многим! — подобраться настолько близко к графу фор Цирренту. Сам наверняка понимает. Скорей всего, он и привел-то девушку ради того, чтобы фор Гронтеш помог ее разоблачить. В лучшем случае — мошенница, в худшем — шпионка или убийца.

Граф помедлил с ответом, как будто ожидая, что адмирал сам предложит помощь. Но тот не торопился. Дело щекотливое, пусть инициатива исходит от того, кто больше всех заинтересован в правде.

«Давайте сделаем так, — наконец сказал граф. — Во что я верю и что знаю точно, я расскажу вам позже, обещаю. А пока мне нужно мнение человека, знающего Огненные острова не по слухам».

Что ж, по крайней мере, чай Огненных островов эта девушка пила не впервые в жизни.

«Граф, вы ведь понимаете, что ее знакомство с Огненными островами никак не докажет родство? Или вам не это нужно?»

«После, дорогой адмирал, все после».

Как раз в этот миг «племянница» ойкнула и прикипела взглядом к Черному Лотосу. Легендарный меч храмовых убийц еще ни одного мужчину не оставил равнодушным, на него засматривались даже те, кто в жизни не брал в руки ничего опаснее столового ножа. Но чтобы девушка!.. Да еще и определила с первого взгляда, что меч проклят! Или она маг, или попросту знает об этом клинке.

Разговор с графом пришлось прервать, но главное уже было сказано. И теперь адмирал Оннар фор Гронтеш неторопливо пил чай и, почти не скрываясь, разглядывал виконтессу Джегейль фор Циррент.

Во внешности девушки не было на первый взгляд ничего необычного, таких в Андаре десятков на дюжину. Каштановые волосы убраны в очень простую, скромную прическу — никаких кудряшек и локонов, только несколько драгоценных шпилек с голубоватыми прозрачными камнями. Очень открытое лицо, прямой взгляд, начисто лишенный кокетства, радостная и заразительная улыбка.

Если ее подослали какие-то таинственные враги — самого ли фор Циррента или королевства, — понятно, почему ставку сделали на родство, а не на постель. Джегейль не настолько юна, чтобы называть ее девочкой, но мелькает в ней нечто по-детски наивное, непосредственное, искреннее. Взгляд, выражение лица, то громкое «ой» перед Черным Лотосом. Откровенное удовольствие, с которым она пьет чай — не просто пьет, наслаждается каждым глотком.

Даже жаль, что с этой девушкой что-то нечисто. У адмирала фор Гронтеша она вызывала невольную и почти неконтролируемую симпатию.

— Дорогой адмирал, — прервал его раздумья фор Циррент, — нас всех крайне занимает один вопрос. Мог ли уроженец Андара, затерявшись на Огненных островах, выжить там достаточно долго?

Джегейль на вопрос и бровью не повела — странно, отметил фор Гронтеш, разве она не понимает, как опасен для нее ответ?

— Разве что чудом. Простите, милые дамы.

— Чудеса случаются, — девушка повела плечами и отпила еще чаю. — То есть, я хотела сказать, случаются в принципе. Иногда.

Почему-то от этой игры, полной недомолвок и подводных камней, адмиралу стало тошно и тоскливо.

— Вы знали своего отца? — прямо спросил он. — Или мать рассказывала вам о нем? К слову, кто ваша матушка?

Джегейль поставила чашку и повернулась к графу. Тот встретил ее взгляд молча, вопросительно приподняв брови. Очевидно, девушка приняла это как приглашение к рассказу: слегка пожав плечами, она сцепила пальцы в замок и ответила:

— Как раз о матери я почти ничего не знаю. Только то, что мой отец не брал ее силой, как это случается у захватчиков. Мне говорили, что она была очень красива, и что он влюбился...

Сочинять на ходу мелодраму с этнографическим уклоном оказалось довольно забавно. Женя даже сказала бы «весело», если бы не взгляд адмирала Гронтеша — пристальный, оценивающий и тяжелый. Обманывать его было неприятно. Нет, Женя понимала, что так надо. Во-первых, полезно проверить легенду на человеке, который действительно может разоблачить их выдумку насчет Огненных островов. Во-вторых, она ведь не совсем фиалка, понимает, что работа на Тайную Канцелярию подразумевает хотя бы иногда такие вот обманы, и совсем нелишне испытать себя в безопасной обстановке. Учебная тревога, можно сказать. Или маневры? В общем, как ни назови, если она проколется на неумении врать и не краснеть, пусть уж лучше это произойдет не там, где обманщицу ждут о-очень крупные неприятности.

Японского колорита Женя сыпала в рассказ умеренно и очень осторожно — все-таки ее представления довольно поверхностны и относятся не только к другому миру, но и к другому времени. А чем меньше врешь, тем меньше вероятность проколоться. И названий избегала — а то вот так ляпнешь, хоть реальное Токио, хоть анимешную Каракуру, а окажется, что здесь оно есть, и адмирал лично там бывал и в портовых тавернах sake пил.

Адмирал сидел, слушал, кивал то ли сочувственно, то ли скептически — такой тип мужчин Женя никогда не умела читать по лицам. А потом вдруг спросил что-то — не по-русски. То есть, не по-андарски.

Женя запнулась от чистого, незамутненного шока. В первый момент ей показалось, что адмирал переключился на японский — из которого она знала десятка полтора-два разрозненных слов, спасибо фанатской привычке смотреть анимэ только с сабами, без русской озвучки. А потом по мозгам стукнуло странное — что это, конечно же, не японский, а его местный аналог, но почему-то она понимает.

«А знаете, Джегейль-сан, мой повар делает отличные суши с тунцом и лососем. Вы не скушаете по привычной пище?»

Отвечать было дико. Мозг словно вскипал и сворачивался, пытаясь совместить сразу два незнакомых языка. А глаза, кажется, уже горели от откровенного «хочу!» — суши Женя не просто любила, а обожала! И, господи, ладно еще тунец с лососем, но откуда его повар

берет здесь нори?! Представить купца, который в условном восемнадцатом или девятнадцатом веке — точнее Женя еще не разобралась — везет в Европу из Японии водоросли для суши, решительно не получалось. Бред же!

Наверное, от шока именно это Женя первым делом и ляпнула:

— Но откуда вы берете здесь нори?! Я тоже хочу!

— Вы умеете делать суши? — кажется, впервые за весь вечер адмирал откровенно удивился.

— На самом деле не очень, — призналась Женя. — Они у меня кривые получаются, и рис не всегда правильно удается. Меня и не учили толком, — мастер-классы в интернете, конечно, нельзя назвать нормальным обучением, так что она даже и не соврала! — Но я их очень люблю. И, вы угадали, в самом деле скучаю. С удовольствием оценю искусство вашего повара!

Слова на незнакомом языке лились легко, почти как на родном, хотя Женя сомневалась, что верно строит фразы. Но само по себе ощущение разговора «почти на японском» было настолько сюрреалистичным... тут уж не до построения фраз! Как у нее вообще это получилось?! От единственного пришедшего на ум объяснения: «Это магия, детка!» — тянуло захихикать.

— В таком случае, надеюсь, я вас порадуя. Прошу простить, дорогие гости, — адмирал снова перешел на андарский, — я пойду отдам распоряжения. Граф, виконтесса, вы рискнете продегустировать крайне экзотическое блюдо?

Граф задумчиво посмотрел на Женю.

— Пожалуй, рискну. Моя дорогая племянница выглядит слишком, хм, предвкушающей. Мне, признаться, любопытно.

— У деточки очень странные вкусы, — с явственным сомнением произнесла тетушка Гелли.

Женя решила, что предупредить этих завязых европейцев будет, по крайней мере, человеколюбиво. А то еще станет плохо с непривычки...

— Дядя, тетушка, — негромко сказала она, — там будут сырая рыба и водоросли.

— Водоро... — граф закашлялся. — О святое древо, нет! Джегейль, ты уверена, что это вообще съедобно?!

Женя тихо рассмеялась:

— Вы же не думаете, что господин адмирал хочет нас отравить?

— Мне лучше еще чаю, — невозмутимо заявила тетушка Гелли.

В этот вечер граф фор Циррент откровенно любовался своей «племянницей». Барышня Женя и в самом деле была находкой для Тайной Канцелярии. Она не терялась от внезапных замечаний, не смущалась и не нервничала, когда ее вполне откровенно пытались поймать на вранье, и прекрасно выкрутилась на довольно скользком вопросе о родителях — заранее они эту историю не придумали, потому что никто из них не знал достоверно обычаев Огненных островов. По правде говоря, граф очень рассчитывал, что с этой частью биографии Джегейль фор Циррент им в итоге поможет адмирал; но для начала было очень интересно взглянуть, как долго барышня продержится против человека, заранее настроенного ее уличить.

Однако чем дальше, тем больше скепсис адмирала сменялся откровенным непониманием. Похоже было, что картина для него в какой-то момент перестала складываться — если сравнить с работой самого графа, так бывает, когда одинаково доказательны несколько взаимоисключающих версий. Старший фор Гронтеш явно не знал, что и думать.

В какой-то момент то же чувство посетило и графа фор Циррента: когда адмирал наконец-то решил выяснить правду одним ударом и заговорил с Джегейль на языке Огненных ост-

ровов. Графа весьма интересовало, сможет ли «племянница» выкрутиться, или на этом ее способность врать иссякнет, и придется раскрывать карты. Однако Женя вдруг замерла, широко распахнув глаза, потом моргнула — и ответила. Тут, правда, граф вспомнил самое начало их знакомства, когда барышне стало нехорошо от переводческого заклинания. Учитывая, что в тот момент — сразу после Чародейного сада — она была по уши залита дармовой магией, неудивительно, что заклинание прицепилось качественно и надолго. Оттого и острая реакция в тот день: когда высшее ментальное заклинание встраивается в мозг, а не ложится поверху, не всякий выдержит.

А ведь повезло! Надо бы включить барышне в активную память и тирииский, пока магия еще с ней. Впрочем, теперь с этим придется подождать какое-то время, даже при обычном действии этого заклинания его не применяют часто: слишком сильная нагрузка на мозг...

Что спросил у Джегейль адмирал, граф, конечно же, не понял, но реакция барышни его заинтриговала. От чего у спокойной и крайне рассудительной девушки могут так загореться глаза? В похожем оживлении граф ее видел в колониальной лавке. Но не мог же фор Гронтеш предложить девушке тот самый меч?

К счастью, его недоумение разрешилось почти сразу: оказывается, речь шла о каком-то экзотическом блюде. Что ж, туземная кухня и впрямь бывает очень странной, и со стороны адмирала вполне разумно проверить свои сомнения таким простым, в сущности, путем. Вот только девушка явно знала, чем ее собираются угостить. И, суда по ее откровенной радости, это «что-то» было очень вкусным.

Граф совсем уж было настроился приобщиться к кухне Огненных островов, когда барышня предупредила их с Гелли о том, чем планирует угощаться.

Водоросли и сырая рыба!

Да что они там, в ее полном технических чудес мире, совсем уж беспросветно голодают?! Даже в самый лютый голод в самых бедных рыбацких деревушках не опускаются до того, чтобы питаться водорослями! И что мешает ту же рыбу сварить, зажарить, запечь?! То, что простиительно дикарям, не пристало людям цивилизованным!

Пока граф пытался совместить подобное дикарство с тем впечатлением, которое у него уже сложилось о Жене и ее мире, адмирал успел отдать распоряжения, и вскоре повар-туземец принес... назвать это «едой» у графа не то что язык не поворачивался, а даже в мыслях не получалось. Да и подавали это не на подносах, как пристало еде, не в супницах или на блюдах, а в лакированных деревянных коробках. Что-то беспрестанно чирикавая на своем языке и кланяясь, туземец снял с них крышки и достал деревянные крошечные подносики со странными бурыми и розовыми кусочками. И вот это предполагается есть?!

Следом за подносиками на столе появились крохотные плошки, в которые туземец налил темную жидкость с острым и довольно гадким запахом, и глиняная бутылочка.

— Ой, пить я не буду, я чаем запью, — быстро сказала Джегейль. Взяла с края подносика две крохотных... указки? палочки? похоже, у этих дикарей все же имеются какие-то аналоги столовых приборов? Выдохнула, улыбнувшись, что-то на том же чирикающем языке, и адмирал, кивнув, повторил.

После чего эти два извращенца, народный герой Андара и его, графа фор Циррента, названная племянница, принялись чуть ли не наперегонки подцеплять указками-палочками неаппетитные комочки, макать в дурно пахнущую жидкость и отправлять в рот.

Граф зажмурился, сглотнул и спросил:

— Может, все-таки вина?

— А дядюшка-то у меня впечатлительный, — задумчиво проговорила Джегейль, и впервые графу захотелось назвать ее не барышней, а паршивкой. — Может, не нужно было предупреждать?

— Уж поверьте, — графа передернуло, — есть вот это я не стал бы в любом случае!

Паршивка переглянулась с адмиралом, хихикнула и сказала:
— Нам больше достанется. Так что уговаривать не буду!

ГЛАВА 3, в которой адмирала фор Гронтеша посвящают в правду, просят его вспомнить о своих врагах и предлагают внимательно смотреть по сторонам

Повар у адмирала был отменный. Кое-что, правда, Женю в нем смутило, но подозрения могли подождать, а суши — нет. Адмирал ведь не боится, что его отравят. Значит, доверяет. А он не похож на человека, который станет доверять непонятно кому без веских причин.

Но все же ужасно любопытно, как адмирал обзавелся таким поваром, такой катаной и научился с таким аппетитом есть суши! Времени на Огненных островах он явно зря не терял.

Женя надеялась, что граф объяснит адмиралу причины их невинного обмана, и тот не обидится. Честно говоря, она бы не отказалась бывать здесь в гостях почаще. Нет, в доме фор Циррентов тоже отлично кормили, да и вообще еда в этом мире получше, чем дома — все свежее, никаких полуфабрикатов, и рецепты очень даже интересные. Но суши! Привет из дома...

Женя тайком вздохнула, когда поданная порция закончилась, и налила себе еще чаю.

За столом установилась немного неловкая тишина — так бывает, когда вроде и пора бы расходиться, но жаль. Или когда предстоит не слишком приятный разговор и очень не хочется портить собеседникам настроение.

Нарушил молчание граф. Хмыкнув каким-то своим мыслям — Женя уже знала это его выражение, когда лицо делалось сначала отрешенным, а после в один миг — жестким, он спросил:

— В вашем доме, адмирал, можно не опасаться чужих ушей? Разговор пойдет крайне серьезный.

— На кабинете есть защита, — ничуть не удивившись вопросу, ответил Гронтеш. — Если желаете, можем пройти туда.

— Вместе с дамами, — словно извиняясь, добавил граф. — Они в курсе дела, к тому же разговор прямо касается судьбы Джегейль.

Надо будет спросить, подумала Женя, адмирал такой шовинист или здесь просто не принято приглашать дам в рабочие кабинеты мужчин? Ну, так же, например, как мужчин — в дамские будуары? Неприлично или даже предосудительно...

А что граф ее в свой кабинет постоянно водит, так у него работа такая. «Профдеформация», — хихикнула про себя Женя: мысль о том, что можно говорить о чем-то серьезном в гостиной, графу наверняка и в голову не придет! Даже в гостиной его собственного дома, где никто не станет подслушивать.

Однако если адмирал и был недоволен, он никак этого не показал. Провел гостей в кабинет, галантно придержал дверь перед дамами и предложил им располагаться на свое усмотрение.

Тетушка сразу же уселась на диванчик у окна, а Женя, не удержавшись, подошла к огромному глобусу, стоявшему на отдельном столике между окном и письменным столом. Глобус — это оказалось гораздо наглядней того атласа, который показывал ей граф, пусть и не так детально. Не обозначены страны и города, зато можно рассмотреть очертания материков. Знакомые, но все же немного другие.

По странной иронии судьбы, сейчас на Женю смотрела как раз та часть Евразии, на которой глаза невольно искали родной город. Здесь были Черное море и Азовское, Крым и цепочка Кавказских гор, а вот Каспийского моря не было. Интересно, его в самом деле нет, или это «белое пятно» на карте мира?

Женя крутанула глобус. Тот вращался медленно, неторопливо и как будто даже степенно, если можно применить это слово к неживому предмету. С чувством собственного достоинства. Почему-то Жене он казался именно таким — почти живым и уж точно одушевленным. Знающим себе цену.

Вместо Австралии и Антарктиды на глобусе голубел океан с корабликами, китами и морскими чудовищами. А вот Америки оказались неплохо разведаны — на месте были и Великие Озера, и Анды с Кордильерами, и даже Амазонка. «И почему тогда нет картошки, помидорчиков, кукурузы?» — Женя попыталась вспомнить, какие еще любимые продукты родом из Америки. Семечки? Зато здесь не курят, а это уже плюс!

Адмирал подошел, остановился рядом. Спросил:

— Разбираетесь в картах, барышня?

— Не так уж, — Женя рассеянно пожала плечами. — Как все.

И тут же поняла: а вот теперь — прокололась! Не могут в этом мире «все» разбираться в очертаниях материков даже на среднем школьном уровне родного мира.

Адмирал положил ладонь на глобус, останавливая неспешное вращение — как раз на Японию. То есть, на Огненные острова, поправила себя Женя.

— Можете показать, где вы жили?

— Нет.

— Жаль. Мне, признаться, очень это интересно.

— А что вы сами сказали бы, дорогой адмирал? — спросил граф. «Давай уже, дядюшка, колись», — мысленно подстегнула Женя.

Между тем адмирал задумчиво обвел пальцами контуры Кюсю, Хонсю, Хоккайдо, Сахалина. С юга на север — наверное, как плавал... то есть, черт, моряки же не «плавают»...

— Это, получается, вы и до материка доходили? — пробормотала Женя. В этом мире даже если и есть Россия, до Владивостока она еще наверняка не доросла, и все же стало... приятно, что ли? Наверное, похожие чувства испытываешь, встретив в чужой стране земляка. Адмирал Гронтеш ей, конечно, ой как не земляк, ну так ведь и не страна чужая, а целый мир.

Гронтеш хмыкнул, бросив на Женю быстрый, почему-то слегка виноватый взгляд.

— Не знаю, граф, племянница она вам или нет, но если племянница, даже предположить боюсь, куда занесло вашего кузена. Я бы сказал, что вы, барышня, жили какое-то время на Огненных островах, скорей всего, у побережья где-нибудь к северу, но язык вам не родной. Да и внешность, сами понимаете.

— Внешность и язык объяснить легче, чем неумение есть, э-э... вот то, что вы ели. Дорогая племянница, я тебе аплодирую, — граф приподнялся с кресла и изобразил поклон.

— И совершенно не за что здесь аплодировать, — вздохнула Женя. — У нас это очень популярно, и я правда их люблю. Лучше расскажите адмиралу сами, в чем дело.

Что с Джегейль не так все просто — и даже не так сложно, как можно было бы подумать, а еще сложнее — адмирал фор Гронтеш понимал и без объяснений. Понял уже и то, что граф фор Циррент «племяннице» верит и знает о ней и ее прошлом если не все, то, по крайней мере, главное. А поняв это, нетрудно было догадаться и о том, к чему затеян весь спектакль. Начальнику Тайной Канцелярии зачем-то потребовалась девушка, которую можно связать с Огненными островами.

Но зачем? Присутствие там Андара вот уж полтора десятка лет пусть и не чисто номинальное, но и не агрессивное, как прежде. Торговля идет ни шатко, ни валко, чужеземцев терпят в портовых городах, пускают в прибрежные деревушки, но не дальше. Хотя для самого фор Гронтеша это не стало таким уж непреодолимым препятствием...

И все же — у Андара хватает проблем и поближе Огненных островов. Да хоть в собственной же столице!

На этой мысли адмирала и настигло озарение: разумеется, девушка нужна фор Цирренту здесь, а не там! А экзотичная биография — лишь способ привлечь внимание, сделать ее интересной для общества и замести реальные следы. У истории Джегейль есть два очевидных преимущества, если рассмотреть ее с этой точки зрения — о ней станут говорить, но проверить ее невозможно.

Последний обмен репликами между графом и Джегейль подтверждал эти выводы полностью. А вопрос графа давал понять, зачем понадобилось морочить голову ему, фор Гронтешу. Кто в Андаре знает об Огненных островах больше?

— Итак, господин начальник Тайной Канцелярии, вы решили проверить на мне, легко ли будет разоблачить вашу племянницу?

— Вам — легко, в этом мы не сомневались, — пробормотала девушка.

— И это тоже, — не стал отрицать граф. — Но, видите ли, дорогой адмирал, не так все просто. Мы надеялись на вашу помощь. Возможно, на несколько подсказок. И, безусловно, на лояльность. Видите ли, столь экзотичная история, как бы сказать...

— Государственная необходимость, — вежливо подсказал адмирал. — Я понимаю.

— Нет, — возразил вдруг граф, одним словом напрочь ломая все логические построения и вполне очевидные расклады. — Его величество в курсе дела, принц Ларк — тоже, но необходимость скрыть истинное происхождение барышни не имеет ничего общего с делами государства или Тайной Канцелярии. Это всего лишь вопрос жизни или смерти самой Джегейль.

— А вы ведь почти угадали, господин адмирал, — девушка крутанула глобус. — Моя родина намного дальше ваших Огненных островов. — Она обернулась, взглянула в упор и сказала с удивившим в самое сердце внезапным отчаянием: — Там даже глобус другой.

Почему именно от вида здешнего глобуса Женю так накрыло, она и сама не понимала. Вроде привыкла уже к мысли, что останется здесь навсегда. Вроде даже начала находить в этом какие-то плюсы. А вот поди ж ты... ну казалось бы, по сравнению с магией, королевским дворцом, новой семьей, отсутствием кофе и, простите, прокладок — чем могут задеть иные очертания материков?!

Хорошо, что сейчас ее историю рассказывал граф, а то, наверное, расплакалась бы. Слушать оказалось легче, чем говорить. Может, еще и потому, что «дядюшка» где-то недоговаривал, а где-то перескакивал на местные дела, которые адмирал знал получше Жени — и приходилось слушать внимательно, запоминать, сопоставлять. Тут уж не до слез!

Дослушав, адмирал помолчал, покачал головой:

— Знаете, граф, наверное, в этом есть что-то абсурдное, но я верю в вашу невероятную историю лишь потому, что она слишком невероятна. Нет причин выдумывать столь запутанные небылицы.

— Полноте, дорогой адмирал, у меня и фантазии не хватило бы, — усмехнулся граф. — Итак, вы восьмой человек в королевстве, посвященный в тайну Джегейль. Полагаю, нет нужды говорить, что мы рассчитываем на ваше молчание.

— Вы говорили о подсказках, — вспомнил адмирал.

— Да, именно. Ваше знание Огненных островов восполнит пробелы в биографии Джегейль. Имена, названия, история матери.

— Я могу все это придумать, исходя из своего мира, для столичных дам сгодится, но кто-нибудь вроде вас сразу раскроет обман, — пояснила Женя.

— Да нет никого «вроде меня», — адмирал пренебрежительно хмыкнул. — Может, найдется пара-тройка авантюристов, но вам, барышня, в любом случае лучше с ними не встречаться. А матросы, солдаты, даже офицеры с наших кораблей не знают ничего дальше побережья.

— Но если я возьму, например, свое реальное имя, это будет звучать не... — «не по-японски», чуть не сказала Женя. — Неправдоподобно. То есть, понимаете, даже не зная языка, человек со слухом может определить, тот ли это язык. Звучит банально по-разному.

— А если я назову вам несколько настоящих имен, вы их не запомните, — адмирал возразил с усмешкой, и Женя мысленно согласилась: действительно, чем экзотичней имя, тем трудней его запомнить и произнести без запинки. Впрочем, одна идея у нее была...

— Японские мультики нам помогут, — решительно сказала Женя. — Уж оттуда я имен помню... Мно-ого! А главное, не запутаюсь. Как вам, например, Арисава Тацки?

— Главное, дорогой адмирал, не спрашивайте у нее, что такое «мультики», — пробормотал граф.

Адмирал рассмеялся, и Женя невольно засмеялась с ним вместе.

— Пойдет, — сказал он. — Звучит несколько по-северному, но приемлемо. Мы придумаем вам замечательную подробную биографию, милая Джегейль — вы разрешите так вас называть?

Женя кивнула. Адмирал сел за стол, достал лист бумаги и придвинул к себе чернильницу.

— Значит, что нам понадобится. Деревня, городок рядом. Мать, ее родители. Господин вашей деревни. Кстати, вы прекрасно воспитаны, я бы предложил сделать вас приемной дочерью господина. Следовательно, прибавятся его домочадцы, хотя бы несколько имен. Для пущего правдоподобия неплохо бы добавить местный храм и какую-нибудь банду поблизости. Хватит у вас имен?

— Вы даже не представляете, на сколько таких наборов мне их хватит, — Женя предвкусно зажмурилась. Такой «привет из дома», по крайней мере, заставит ее и улыбаться, а не только ностальгировать. То, что доктор прописал! — Главное — выбрать, кого куда. Ой, а давайте еще брата мне придумаем? Знаете, когда я была девчонкой, ужасно хотела такого старшего брата, как Ичиго!

— Сводного — почему бы и нет, — кивнул адмирал, вписывая еще одну строчку.

Следующие полчаса Женю несло. Она смеялась, предлагая имена, рассказывала о характерах, вспоминала любимые моменты и чувствовала себя радостной школьницей-фанаткой. Адмирал записывал, хотя она уверяла, что и так не забудет, а когда поднимал взгляд от стремительно заполнявшегося именами листа, смотрел на Женю изучающе-задумчиво. Но теперь его взгляд не казался тяжелым.

К концу вечера они совместными усилиями придумали Жене биографию такую подробную, что хоть кино снимай — и успех этому мыльному сериалу точно был бы обеспечен! По крайней мере, среди дам вроде давешних приятельниц тетушки Гелли, хотя адмирал уверял, что даже королевские офицеры, бывавшие на Огненных островах не раз, скушают эту историю и не подавятся.

К концу вечера граф фор Циррент поймал себя на некоторой ревности к фор Гронтешу — они с Джегейль прекрасно нашли общий язык, и Гелли глядела на них со странной, слегка печальной задумчивостью. Однако нельзя было не признать, что адмирал помог им куда больше, чем граф рассчитывал.

Когда пришло время прощаться, весь вечер молчавшая Гелли вдруг сказала:

— Вы, дорогой фор Гронтеш, заезжайте к нам по-простому, по-дружески. Думается мне, вам в столице будет скучно.

Поддавив изумление — на его памяти Гелли никого еще вот так не приглашала, — граф добавил:

— Скука скукой, но не забывайте, адмирал, что у вас есть враги. Я бы советовал вам внимательно смотреть и слушать. А то, знаете ли, сначала стреляют в вашего сына, потом пишут доносы на вас, как знать, чего ожидать дальше.

— Доносы? — переспросил адмирал. Ни удивленным, ни оскорбленным он не казался, и граф счел это хорошим признаком: похоже, одной ошибки хватило старшему фор Гронтешу для того, чтобы начать смотреть на столичное общество трезво.

— Анонимно, — уточнил граф, — и это меня тревожит куда больше, чем содержимое одного доноса. Будьте очень осторожны, дорогой адмирал. Здесь не море, шторма и шквалы в обществе куда коварней.

— Благодарю, — коротко кивнул фор Гронтеш. И добавил, мгновение поколебавшись: — Я и в самом деле рад буду нанести вам ответный визит. Прошу только сообщить удобное для вас время.

— Обязательно.

— Да в любой из ближайших вечеров, — снова встряла Гелли, и графу оставалось лишь подтвердить приглашение кузины. Нравится ему это или нет, Гелли в таких вопросах не ошибается.

Домой ехали молча: графу было о чем подумать, а обе его дамы прекрасно видели, когда его лучше не трогать. Однако дома Женя сказала тихонько:

— Нам есть что обсудить, э-э... дядюшка?

— «Дядюшка», — кивнул граф, — привыкай, дорогая племянница. И откуда вдруг неуверенность, у фор Гронтеша ты отлично держала нужный тон. В кабинет?

— Да.

Вот как... Значит, разговор у барышни серьезный. Что-то заметила, кроме того меча?

Об этом он и спросил, едва закрыв дверь кабинета. Почему-то не терпелось знать точно — хотя ясно, почему, обидно будет обмануться в своей симпатии к адмиралу. Старший фор Гронтеш был из тех очень немногих людей, которые для графа фор Циррента олицетворяли величие, силу и честь Андара, как бы пафосно это ни звучало.

— Меч жуткий, — барышню аж передернуло, — на нем такая черная аура, вы бы видели. Мрак как он есть. Если вдруг что — ну, мало ли, всякое в жизни случается, — в руки его не берите. Честное слово, лучше табуреткой от врагов отмахиваться, чем той катаной. Кстати, в кабинете у адмирала есть еще пара штучек с магией, но вроде несильной. Послабей, чем защитка во дворце или ваша палочка с переводчиком. Я так понимаю, в принципе у вас здесь это в порядке вещей? То есть, теоретически, у каждого может зачарованный амулетик заваляться?

— Теоретически да, — согласился фор Циррент, — само наличие зачарованной вещи — не повод для интереса полиции и тем более Тайной Канцелярии. Но все же опишите мне их, на всякий случай.

Бдительная барышня кивнула, сосредоточилась — графу очень нравилось, каким делалось ее лицо в такие минуты, но все же, подумал он, нужно поучить «племянницу» сохранять более невинное выражение... По ее описанию выходило, что амулеты у адмирала не какие-нибудь привезенные, а вполне андарские, из тех, что каждый моряк с собой носит: моряки народ суеверный. Так граф и объяснил, и Джегейль кивнула, будто того и ждала. А потом сказала:

— Я вообще так и подумала, но мало ли, обещала ж глянуть. А вопрос у меня другой. Наверное, это не у вас бы спрашивать, а у адмирала, но, в любом случае, лучше не у него в

доме. Хорошо, что тетушка его к нам пригласила. У вас здесь, то есть не у вас, конечно, а на Огненных островах, есть якудза?

Граф напрягся: что-то в голосе Джегейль обещало очень большие проблемы.

— Я даже не могу определить, сбоят сейчас переводчик или нет. Давайте-ка подробнее. Что это такое, как связано с нашим визитом к адмиралу и почему об этом лучше спрашивать не у него в доме?

— Якудза, — повторила барышня. — В нашем мире на наших Огненных островах это группы организованной преступности, очень сильные, с очень жесткой иерархией, дисциплиной, не банды вроде той, которую мы с адмиралом придумали, а намного серьезней. На самом деле как раз о них я почти ничего не знаю, только слово. И то, что члены якудза носят татуировку. Но ведь здесь это может ни о чем не говорить, правда? Или обозначать совсем другое?

— Татуировка, — медленно повторил граф. — Повар-туземец адмирала?

— Ну, я думаю, адмирал должен ему доверять, раз не боится, что отравит. И еще, если эти нюансы у нас совпадают, он адмирала называл не «господин», а «капитан».

А вот это уже было интересно. Крайне интересно. Хотя даже сам граф легко мог придумать с десятков вполне невинных объяснений, сбрасывать со счетов единственное не невинное, пусть даже маловероятное, он попросту не имел права.

— Вот что мы сделаем, Джегейль. Не в том беда, что я не хочу оскорблять адмирала недоверием — он поймет, работа у меня такая, но если вдруг дело и впрямь нечисто, мои расспросы его насторожат. А ваш интерес к адмиральскому повару после сегодняшней дегустации, — граф невольно сглотнул, — будет понятен.

— Хорошо, спрошу. Про якудзу тоже? Или просто, как ему удалось разжиться таким поваром?

— Просто, — повторил прилипчивое словечко граф. — Никаких намеков на преступность. А вот почему туземец оставил свои острова и отправился в Андар — это крайне любопытно. Как и причины доверия адмирала.

Джегейль кивнула. Задумалась ненадолго, вздохнула:

— Гронтеш классный, мне понравился. Жаль, если там что-то не так окажется.

— Если понравился, тем больше причин убрать любой повод для сомнений.

— Понимаю...

Почему-то захотелось ее ободрить, и граф сказал:

— Знаете, дорогая племянница, будь вы знакомы с младшим фор Гронтешем, ваше «что-то не так» скорей всего вылилось бы в миссию по спасению этого бестолкового раздолбая. Старший, конечно, успел поумнеть и набраться опыта, но, я полагаю, в его случае тоже скорее возникнет необходимость спасать, чем арестовывать.

Странная мысль для поддержки и ободрения, но граф угадал: Джегейль и впрямь улыбнулась:

— Уж лучше спасать, правда?

ГЛАВА 4, в которой в Офицерском Собрании пьют и сплетничают, а принц Ларк, сам того не желая, подставляет Джегейль фор Циррент под пари

Что бы ни думали граф фор Циррент и в особенности виконт Фенно-Дераль, принц Ларк вовсе не был легкомысленным шалопаем. Он в полной мере осознавал свою ответственность перед тронем и государством, внимательно слушал наставления деда и по мере сил вникал в экономические, политические и прочие проблемы, с которыми приходится иметь дело королю.

Однако здоровье у деда, несмотря на преклонные годы, было крепкое, и Ларк от души надеялся, что надеть корону придется не скоро. А пока он всего лишь один из наследников, иногда можно и расслабиться.

И вот здесь-то крылось коварное противоречие, которое Ларк понимал умом, но никак не мог воплотить понимание в жизнь. Если кому и можно расслабляться в столице, а тем паче в королевском дворце, то уж никак не наследнику престола. Между тем отдыхал душой принц Ларк в компании людей сугубо военных, испытанных в боях офицеров, и поневоле разделял их отношение к пребыванию «на зимних квартирах» — враг далеко, можно гулять.

Гуляли господа офицеры шумно. И правда, когда еще вознаградить себя за фронтовую дисциплину и воздержание? Вино в Офицерском Собрании лилось рекой, барышни и дамы всех сословий и моральных качеств купались во внимании бравых вояк, а заключавшиеся что ни день пари были одно причудливей другого. Ларк, правда, выбирался в теплый офицерский круг нечасто, но, уж выбравшись, позволял себе ненадолго отбросить тщательно лелеемое дедом благоразумие.

Сейчас принц появился в Офицерском Собрании впервые со дня ранения Реннара — тот, наконец, пошел на поправку, и доктора разрешили перевезти его домой. Бедняга Рени угрюмо вздыхал, предвидя отцовские выволочки, но не спорил. Ларк проводил его, почтительно раскланялся с адмиралом, поблагодарил того за сына. Старший фор Гронтеш усмехнулся понимающе:

— Приятно видеть, что твоего лоботряса защищают даже от тебя самого. Благодарю, ваше высочество.

Откланяться сразу было бы невежливо, однако адмиралу наверняка хотелось скорее заняться сыном, и Ларк решился на некоторое нарушение этикета:

— Я буду заглядывать, если вы не против, господин фор Гронтеш. И, прошу вас, в случае проблем обращайтесь ко мне в любое время. Не смею более отнимать ваше внимание, Реннару оно сейчас нужнее.

Короткий разговор вымотал принца не меньше дедовых уроков. Наверное, всему виной давнее, еще детское восхищение первым адмиралом Андара, и глупая, иррациональная обида, когда выяснилось, что тот влез в грязные интриги, и боль за друга, запятнанного поступком отца... много всего, спутанный, болезненный клубок эмоций, не всегда понятных самому принцу. И все же он был рад, что дед решился вернуть адмирала фор Гронтеша в столицу и, возможно, станет доверять ему по-прежнему. Рад за друга, за страну, за самого адмирала — своего детского кумира...

Но все же, этот раздрай следовало запить, и принц отправился в Офицерское Собрание.

Встретили его с восторгом. Тут же освободили почетное кресло во главе стола, налили вина в чистый бокал, подвинули ближе остатки сыра и паштета — впрочем, красавица Мирабель уже несла свежие закуски, всю улыбаясь редкому, но любимому гостю. Ларк и сам соскучился по царившей здесь бесшабашной атмосфере, по дружеским подначкам, отсутствию

продиктованной церемониалом почтительности, возможности чувствовать себя не будущим королем, а всего лишь офицером, одним из многих, своим среди своих.

Первым делом у принца поинтересовались здоровьем Реннара, затем разговор естественным образом перекинулся на старшего фор Гронтеша. Здесь собрались люди военные, склонные не одобрять политических «вывертов», а былую ошибку адмирала считать именно ошибкой, а не предательством. Пожалуй, лучше всех общее мнение выразил капитан ди Ланцэ:

— Огненный Гронтеш слишком прям для интриг, ему стоило бы оставаться в море, а не ввязываться в столичную грызню.

— Теперь станет умнее, — хмыкнул кто-то позади. Хор подтверждающих голосов ясно показал, что присутствующие здесь офицеры считают опалу адмирала если и не заслуженной, то закономерной. А еще — что слишком многие здесь думают: «Уж я бы не попался на лживые речи, как он».

Ларк молча покачал головой: Рени уже затеял бы с десяток дуэлей, так что, пожалуй, его сегодняшнее отсутствие к лучшему. Вполне естественно ждать, что возвращенный из домашней ссылки адмирал станет темой для не слишком приятных разговоров. Беда только в том, что нелестные высказывания вполне могут оказаться правдой. Старшему фор Гронтешу и впрямь нужно стать умнее относительно политических дел, а того лучше — вернуться в море, уж там он точно на своем месте.

— Но я рад, что он вернулся, — пробормотал принц. Налил себе еще вина и решил перевести разговор на другие темы. — А знаете ли, господа, есть немалая вероятность, что таланты адмирала фор Гронтеша понадобятся нам очень скоро. Одар объявил амнистию пиратам, которые решатся пойти на военную службу, причем приветствуются не отдельные перебежчики, а полностью укомплектованные корабли. Чуете, чем пахнет?

Ди Ланцэ кивнул первым:

— Как бы не пришлось выдвигаться к южным границам уже зимой. Иначе весенняя распутица может задержать нас здесь, и одарские стрелки первыми займут перевалы.

Рассуждения тут же подхватил еще один ветеран прошлой южной кампании, граф фор Виттенц:

— Стрелков перекинуть зимой, чтобы полк был наготове, едва сойдет снег в горах. И эскадру на море немедленно, его высочество прав, Огненный Гронтеш там будет к месту. До сих пор пираты больше мешали одарской торговле, чем нашей, но теперь...

— Именно, — кивнул принц. — Приятно иметь дело с ветеранами, господа. Вам ничего не нужно объяснять, а нашему верховному штабу я вчера два часа втолковывал очевидные истины. Они так привыкли, что король всецело полагается на их мнение, что начали считать себя непогрешимыми.

Что поделать, его величество Дионн-Горрент был гением экономических, а не военных стратегий. Конечно, в последние несколько лет победы принца Ларка несколько поколебали авторитет ослов из штаба, теперь король начал куда больше полагаться на мнение своего весьма одаренного в военном деле внука. Но, говоря откровенно, Ларк предпочел бы вовсе разогнать прижившийся при деде штаб и набрать свой — а дед не желал обижать преданных ему людей, всю жизнь верно служивших и до Ларка худо-бедно все же защищавших Андар.

Перебив косточки штабным осликам, обсудив перспективы зимнего марша и весенней кампании в горах, порадовавшись, что за войну на море можно быть теперь спокойными, вернулись к столичным темам, и тут грянула катастрофа: кто-то вспомнил, что принца Ларка видели водившим по дворцу никому не известную барышню. И ладно бы только водившим, но еще и делавшим ей весьма откровенные авансы...

— Кто она?

— Барышня, я слышал, не настолько юна, чтобы не понимать нескромных намеков. Тебя поздравить с очередной победой, Ларк?

— Какая-нибудь вдовушка из провинции, разумно решившая, что незачем киснуть всю зиму в замеченном снегами поместье, когда можно повеселиться в столице?

— Моей кухне рассказывала ее подруга, что...

Ларк едва не утонул в поднявшемся гаме, и, уж конечно, ему было не до того, чтобы хоть как-то отвечать на вопросы, подтверждать или опровергать. Зайди речь о другой даме — о любой из тех, что одаривали благосклонностью его любовные маневры, а то и сами норовили шмыгнуть в постель... О, тогда он рассмеялся бы со всеми, выдал убойную характеристику прелестей очередной пассии, посетовал на скуку и в очередной раз пообещал, что никогда не женится, потому что подпускать слишком близко подобных дур, да еще и не имеющих понятия о женской чести — помилуйте, господа! Но уж кто-кто, а барышня Женя подобных разговоров не заслуживала. Она была... другая.

Бокал вина помог протянуть время до того момента, когда почти все присутствующие затихли и выжидающе уставились на Ларка. Наполнив бокал вновь, он отсалютовал шутливо и сказал:

— Господа, в нашем королевстве есть люди, шутить с которыми я никогда бы не осмелился. Боюсь, господин начальник Тайной Канцелярии счел бы весьма дурной шуткой, вздумай я ухлестывать за его племянницей. К тому же виконтесса Джегейль фор Циррент, насколько я успел ее узнать, не из тех, кто слишком легко дарит свою благосклонность. Так что, клянусь вам, мои «авансы» очень сильно преувеличены молвой.

Как выяснилось, слухи о чудесно найденной племяннице фор Циррентов дошли и до Офицерского Собрания, вот только с таинственной спутницей принца ее здесь связать не догадались. Ларк слушал вновь поднявшийся гвалт и с неожиданным для него самого стыдом думал, что впервые ему неприятен тот легкий тон, которым здесь обсуждают женщин. Спор завертелся вокруг нескольких «животрепещущих» тем: девица виконтесса или вдова, набивает себе цену или и впрямь строга в поведении, какие мужчины могут ей нравиться и кто осмелился бы породниться с ее дядюшкой. В Ларке все больше бурлило раздражение, и когда фор Виттенц спросил, как можно считать барышню недотрогой, не приложив достаточных усилий для ее покорения, принц, наконец, вспыхнул.

— Вы отличный офицер, граф, и совершаете ошибку, свойственную исключительно военным: сравниваете сердце девушки с вражеским фортом. «Покорить», «взять контрибуцию», «она выбросила белый флаг» — готов поспорить, что барышня фор Циррент за подобные термины в отношении своего сердца размажет вас без малейшей жалости.

— Да ладно вам, ваше высочество, — добродушно отозвался фор Виттенц, — все женщины одинаковы. Если барышня держала себя недоступно с вами, это может свидетельствовать о ее трезвом разуме или некоторой холодности темперамента, а может, ей дядюшка так велел. Но, в любом случае, вы-то не вели планомерную осаду этого форта? Так что ваши утверждения, мой принц, имеют под собой весьма зыбкую почву.

— Вы хотите сказать, граф, что я совсем не разбираюсь в девушках, — Ларк слегка поклонился, и остальные грянули дружным хохотом.

— Помилуйте! Я хотел сказать, что вы совсем не разобрались в данной конкретной девушке. Вы утверждаете, что барышня фор Циррент безжалостно меня размажет? Хорошо. Я утверждаю, что если не пламенный штурм, то планомерная осада захватят ее сердце. Пари, господа? Не поздней нашей отправки к одарским границам барышня падет в мои объятия.

— Рискуете, граф, столь неопределенные сроки...

— Да нет же, господа, тут риск обоюдный, кампания может начаться уже через месяц, а может, и вовсе ближе к лету.

— Однако, дорогой граф, что вы будете делать, если сведения об этом пари дойдут до фор Циррента?

— Полноте, дядюшка нашей прелестницы не вчера родился и сам в юности был тем еще юбочником. А то он не понимает, что его племянница вызовет интерес!

— И то верно...

— Будьте осторожны, Никодес, иначе оглянуться не успеете, как проснетесь зятем фор Циррента!

— А я поставлю на мнение его высочества, я верю его оценкам.

Как это и бывает в подвыпивших компаниях давних приятелей, пари вспыхнуло и разрослось, словно само собой. Ларк еще и рта не успел раскрыть, и даже с мыслями собраться не успел, а его участие уже подразумевалось как дело решенное, и вокруг бились об заклад и записывали ставки на его или фор Виттенца победу. Отыгрывать назад было поздно.

Никодес фор Виттенц вовсе не считал себя сердцеедом и знатоком прекрасных дам, однако у него не было причин сомневаться в собственной неотразимости. Вести планомерную осаду ему не приходилось ни разу — женщины сами вешались на шею красивому и удачливому офицеру, наследнику одной из богатейших семей среди аристократии Андара. А он принимал это как должное, однако с изрядной долей презрения, с каждой «победой» все больше убеждаясь, что «все они одинаковы» и одна стоит другой. Но даже это презрение прибавляло ему шарма в женских глазах. Дамы прозвали Никодеса «ледяной красавчик» и наперебой спорили, кому же удастся растопить «это не способное к пылкой страсти сердце».

Кой черт дернул его спорить на любовь совершенно незнакомой ему девушки, о которой к тому же хорошо отозвался принц Ларк, Нико сам не знал. Возможно, именно слова Ларка были виной внезапно вспыхнувшему азарту. Принц Ларк был одним из очень немногих, кого Нико не просто уважал, а почти боготворил. Бог весть, какой из него получится король, но для Никодеса фор Виттенца он навсегда останется Командиром. Тем, с кем рядом дрался насмерть и готов был прикрыть собой. Тем, кто выводил их победителями из почти безнадежных боев.

Может быть, сама судьба так, через Ларка, указывает ему девушку, на которую стоит обратить внимание? До сих пор Никодес фор Виттенц удачно избегал матримониальных планов родителей, но рано или поздно отцу надоест ждать, пока наследник остепенится, и тогда... Чего он точно не хочет, так это заполучить в жены сговоренную отцом дурицу!

А еще Нико был азартен. Пройти мимо интересного пари он не мог, даже если напрямую его спор не касался, а уж когда «готов поспорить, что...» относилось лично к нему, как сейчас!.. Размажет, говорите? Его, признанного храбреца, великолепного танцора, любимца женщин, одного из самых завидных женихов Андара? И кто? Девица, судя по сплетням, не первой юности и не сногшибательной красоты, с неизвестным прошлым и без земель в приданом, а значит — не самый желанный приз на рынке невест? Да полноте! Женщины, конечно, дуры, но не настолько же! А если она умна, как намекнул Ларк, то тем более поймет, какую честь оказывает ей своим вниманием наследник фамилии фор Виттенц.

Что же касается графа фор Циррента... Для начала, конечно, не помешает прощупать мнение отца, но сам Нико вовсе не против породниться с ним. Уважаемая, верная короне семья, незапятнанная честь которой стоит никак не меньше иного приданого.

Поэтому фор Виттенц с легким сердцем ударил по рукам, заключая пари на незнакомую ему девушку. В конце концов, чем он рискует? Поражением на любовном фронте? Оно лишь придаст ему трагического флера в глазах других дам, которые поспешат утешить «несчастливого влюбленного». Публичным признанием собственной неправоты? Среди своих и перед принцем Ларком — что ж, признает, если окажется неправ. И посмеется над собой вместе со всеми. Но это вряд ли. С чего бы девушке его, как выразился Ларк, «размазывать»? Он ведь не собирается вести себя с ней недостойно.

— Итак, господа, кто-нибудь знает, где в ближайшее время может появиться эта таинственная и неприступная барышня?

— Моя тетка их приглашала на чай завтра, — тут же отозвался ди Ланцэ. — Она приятельствует с виконтессой фор Циррент. Со старшей, само собой, с Эбигейль, кузиной графа, — усмехнувшись, уточнил он. — Но над младшей интересно поахать всем старым кошелкам столицы. Танцев не будет, но я попрошу у тетки разрешения представить тебя, хочешь?

— Буду счастлив, — от души обрадовался Нико. Уже завтра — это показалось ему добрым предзнаменованием.

— Тогда будь дома, я пришлю записку.

Разговор переметнулся на другое, но Нико скоро ушел. Странное дело, почему-то он был слишком взволнован. Наверное, из-за того, что тетушка Дастина ди Ланцэ, та еще старая перечница, вполне могла не принять боевого товарища своего племянника на сугубо дамском чаепитии.

И то... чай! Тьфу. Но ради возможности взглянуть поближе на Джегейль фор Циррент Нико согласен был давиться чаем.

Друг не подвел. «Приходи к четверем и приглуши свое обаяние. Тетушка не любит, когда от нее оттягивают внимание», — Нико расхохотался, прочитав. Парадный мундир ждал в идеальном порядке, сапоги сверкали — хоть глядись, как в зеркало, усы были подкручены на шомполе, щеки и подбородок выбриты дочиста, волосы заглажены, а полученный в прошлогодней кампании шрам припудрен. Короче говоря, самый пристрастный взгляд не нашел бы, к чему придраться.

Последним штрихом стала густо-алая с черным отливом роза — знак почтения хозяйке дома. И закрытый экипаж — верхом, конечно, было бы быстрее, да и привычнее, но топтать начищенный паркет пыльными сапогами — по меньшей мере некрасиво.

— Мой племянник, шевалье Дастин ди Ланцэ, — чопорно представила графиня Дариана фор Ганц «зовите меня просто дама Дариана, милое дитя, ведь мы с вашей тетушкой давние подруги». — Младший сын моей сестрицы. Мог бы найти себе жену и заняться хозяйством, мало ли подрастает дочек там, где поместьем нужна мужская рука, но вместо этого стал военным. Мужчины!

— Капитан полка горных стрелков, — шевалье легко улыбнулся, явно привычно пропустив теткин шпильку мимо ушей. — Полк квартирует на юге, но зимой можно себе позволить навестить родственников и немного расслабиться.

«Зимние квартиры», — всплыло в памяти, и Женя понятливо кивнула.

— А из чего стреляете?

— Что, простите? — шевалье провожал взглядом даму Дариану, отошедшую встречать следующих гостей, и, похоже, не уловил вопроса.

— Горные стрелки, — повторила Женя. — Раз стрелки, должны стрелять. Но горы ведь! Пистолеты у вас на несколько шагов, а длинностволка, если я правильно представляю, какие у вас здесь длинностволки, для гор неудобна.

Ди Ланцэ натянуто рассмеялся:

— Какие странные вопросы для барышни. Может быть, показать вам тетушкину оранжерею?

Женя вздохнула:

— Простите, я не подумала, что это может быть военной тайной. Просто стало интересно. А оранжерею ваша тетушка покажет мне сама. Я думаю, ей будет приятно похвалиться своими растениями, а вас вряд ли обрадует перспектива обсуждать травки и цветочки. Или я не права?

— Увы, правы, — теперь он рассмеялся искренне, и Женя невольно улыбнулась в ответ. Заразительный был смех.

Шевалье ди Ланцэ Жене понравился. Располагающее лицо — уверенное, но не высокомерное. Слегка прищуренные карие глаза, четко очерченная линия губ, слегка выющиеся соломенные волосы — одна непослушная прядь постоянно выбивалась из слишком короткого хвостика, и шевалье досадливо заправлял ее за ухо. И никаких усов! Женя уже заметила, что часть здешних дворян брилась начисто, а часть щеголяла ухоженными пышными усами с длинными, зачастую закрученными кончиками. Кажется, это зависело исключительно от личных предпочтений, по крайней мере, какой-то закономерности Женя уловить не смогла. А спросить тетушку все забывала — находились темы и поинтереснее.

— Может быть, расскажете тогда о горах? — спросила Женя. Быстро огляделась: дама Дариана лобызалась с какой-то старухой в черном, рядом щебетали уже знакомые дамы, в дверях появилась еще одна. Гости собирались; кажется, вечер у графини фор Ганц обещал быть совсем не таким камерным, как посиделки с тетушкиными приятельницами. — Спасайте, шевалье, ваша тетушка и ее подруги так и мечтают взять меня в оборот и допросить с пристращением, а я не люблю быть гвоздем программы.

— А придется, — шевалье улыбнулся не то сочувственно, не то насмешливо. — Сочувствую, но вы сейчас — главная столичная сплетня, милая виконтесса. Всем интересно узнать из первых уст о вашей жизни, разве я могу составить достойную конкуренцию.

«Да уж, любительниц мыльных опер военные драмы вряд ли устроят», — мысленно согласилась Женя. А вслух сказала:

— Вы можете хоть немного развлечь меня, это будет справедливо, разве нет?

Шевалье покачал головой:

— Мы с вами чем-то похожи. Я тоже не люблю быть гвоздем программы. Но, открою вам тайну, я пригласил своего приятеля. Провести вечер одному в дамском обществе — слишком суровое испытание. И, простите мой эгоизм, милая виконтесса, я рад, что сегодня внимание наших дам будет отдано вам. Тетушка слишком любит напускать на меня свой ковен, допытываясь, когда же я женюсь.

Женя расхохоталась. Ковен, надо же! Так мило и непринужденно обозвать всю эту дамскую стаю ведьмами!

— Сочувствую, шевалье. Вы правы, именно в этом вопросе у тетушек обычно прорежется редкостная напористость.

— А вон и мой приятель подрос, — шевалье чуть заметно кивнул на двери, где за очередной дамой маячил высокий брюнет. — Пойдемте, я вам его представлю. В качестве развлечения для такой милой девушки он подойдет куда лучше меня.

Жене показалось, что последние слова шевалье сказал не вполне искренне, но какое чувство стояло за изменившимся тоном, она понять не могла. Впрочем, ее это не касается, да и гадать бессмысленно. Может, шевалье ди Ланцэ на самом деле не слишком дружен с этим «приятелем», а может, они просто хотели провести вечер более весело, но тетушка Дариана подрезала крылья на взлете.

«А вот тетушка Гелли на «меня не касается» предложила бы, наоборот, разузнать ненавязчиво, в рамках школы начинающей сплетницы. И дядюшка ее поддержал бы»...

ГЛАВА 5, в которой Никодес фор Виттенц развлекает виконтессу Джегейль фор Циррент, а та, соответственно, развлекается

Свою цель Нико заметил сразу. Хотя он вовсе не был уверен, что виконтесса Джегейль фор Циррент окажется единственной барышней, приглашенной попить чаю с отборнейшими столичными сплетницами, почему-то и тени сомнения не возникло: она. Девушка стояла рядом с Дастином и смеялась, слегка запрокинув голову, и взгляд охватил ее как-то сразу всю, от шпилек в очень простой прическе до выглядывающей из-под юбки туфельки.

Девушка была... обыкновенной. Не худышка и не пышечка, не утонченная блондинка и не жгучая брюнетка, не томно-изящная королева балов и не юная неловкая дебютантка. В ней не было крайностей, Нико не смог бы описать ее одним ярким словом или хотя бы фразой. Обычные для андарских девушек каштановые волосы и бледная кожа — а ведь на Огненных островах, говорят, все сплошь смуглые брюнеточки. Красивая шея, тонкие руки, гибкий стан... Вот она сказала что-то, Дастин ответил, барышня развернулась к дверям, и Нико мгновенно понял, что она его увидела.

Как раз подошел его черед приветствовать хозяйку дома. Нико вручил графине фор Ганц припасенную для нее розу, рассыпался в благодарностях за приглашение, а старая ведьма как-то очень понятливо усмехнулась, протягивая ему руку для поцелуя.

— Как поживает ваша матушка, Никодес?

— Благодарю, неплохо. Жалуется на скуку, но провести зиму в столичном имении почему-то отказалась.

— Вы ничего не понимаете в пожилых дамах, милый Никодес, — графиня печально улыбнулась. — На юге мягче климат.

— Только не летом, — вставил подошедший вместе с барышней ди Ланцэ.

— Но сейчас-то зима. Надеюсь, ваша матушка навестит нас летом, когда на побережье опустится жара. Однако я вижу, молодежь уже собирается вместе, не так ли? Дастин, Никодес, чай будет подан в сиреневой гостиной через полчаса, а пока я доверяю вам развлечь это милое дитя.

«Милое дитя» чуть заметно прищурилось, оглядев Нико одним быстрым взглядом. Дастин торопливо представил их друг другу:

— Граф Никодес фор Виттенц, виконтесса Джегейль фор Циррент.

— Счастлив знакомству, — Нико склонился, целуя руку милой виконтессе. Ладонка девушки отнюдь не показалась ему аристократической, хотя кожа была нежной и благоухала цветочными духами.

— Взаимно, — легко ответила барышня.

Распрямившись, Нико столкнулся с ней взглядами и привычно улыбнулся.

Первую классификацию девушек он проводил обычно именно в этот момент знакомства. Простушки в ответ на приветственный поцелуй и улыбку неудержимо краснели, скромницы быстро отводили взгляд и потом какое-то время осмеливались на него смотреть словно украдкой, исподтишка. Девушки, которые не прочь были углубить знакомство, зазывно улыбались в ответ, искательницы женихов опускали ресницы или начинали стрелять глазами, в зависимости от искушенности — или того, что они сами принимали за искушенность.

Джегейль фор Циррент поймала его взгляд, но не покраснела, не улыбнулась, не опустила глаза, а лишь слегка приподняла брови, как будто удивляясь чему-то. Оглядела его с головы до ног, нисколько не смущаясь, перевела взгляд на ди Ланцэ и спросила с легким вздохом:

— Ну и как вы собираетесь меня развлекать, господа?

К собственному стыду, Нико не сразу нашелся с ответом. Однако барышня вряд ли заметила заминку: справившись с удивлением, он тут же поинтересовался:

— А как бы вы хотели развлечься, милая виконтесса?

— Как раз до вашего прихода я просила шевалье рассказать о горах.

— О-о-о, — Нико улыбнулся, лихорадочно размышляя, что именно в такой обширной и, говоря откровенно, не салонной теме может заинтересовать молодую девушку. — Вам приходилось путешествовать в горах? Возможно, по пути к нашему южному побережью?

Барышня неопределенно повела плечами:

— На вашем побережье я не была. А горы, что сказать, горы бывают разными.

Большая гостиная графини фор Ганц постепенно наполнялась дамским щебетом, на их маленькой группке скрещивались любопытные взгляды старых сплетниц, и Дастин, оценив обстановку, непринужденно увлек их на закрытый балкончик. Здесь было тише, что несколько компенсировало унылый вид на голый, облетевший сад, пожухлую траву и потемневшие от первых морозов высокие стебли каких-то цветов.

— Здесь уже почти зима, а в наших горах еще осень, — зацепился за универсальную тему Нико. — Осенью там льют такие дожди, что даже дороги становятся опасны, а по тайным тропам ходят разве что законченные авантюристы. В это время даже контрабанды становится меньше, — он невольно усмехнулся, припомнив, как однажды такой же осенью чуть не свернул себе шею во время охоты на банду, переправлявшую в Одар партию украденного с полковых складов оружия. Горячее было дельце, кровавое и неприятное в целом — кому приятно, когда в собственном полку обнаруживается крыса, работающая на врага? Но не девушке же о таком рассказывать...

Тут же вспомнились байки, которые тревил в том походе, пытаясь обсушиться у дымящего, едва тлеющего костра. Вот что, пожалуй, подойдет для развлечения барышни!

— А еще старики говорят, что раньше в тех краях все тропы держали под контролем гномы. Требовали плату отдельно за проход, отдельно за груз, отдельно за коней и повозки. И удачливыми называли тех контрабандистов и бандитов, которым случалось с ними договориться. Вернее, это они сами называли себя удачливыми. Но те, кто искони живет в горных деревнях, всегда точно знали, как можно улестить малый народец и какую плату те требуют за услуги. И никогда не болтали о своей удаче.

— Гномы? — каким-то очень странным тоном переспросила барышня.

— Ну да, — кивнул полный вдохновения Нико. — Злобный мелкий народец, здесь, на равнинах, в них мало кто верит, но мы-то знаем... — Он сделал многозначительную паузу, давая барышне возможность ахнуть и спросить какую-нибудь очаровательную глупость: «Вы, наверное, и сами их видели?» — или: «А вам, дорогой граф, тоже случалось с ними договариваться?!» — или, на худой конец: «И что же они требуют в уплату?»

Барышня хмыкнула и повторила:

— Гномы. Ну да, ясно.

А потом совершенно очаровательно улыбнулась и проворковала:

— Похоже, господа, я снова по неведению вторглась в запретные для женщин темы? Если вы воюете в горах, где действует какая-то третья сила, то, ясное дело, с ними приходится вести тайные переговоры, добиваться содействия или хотя бы невмешательства, и никому постороннему об этом знать не полагается? Однако согласитесь, граф, вы первым начали.

Нико фор Виттенц подавился заготовленным и уже почти произнесенным ответом на незаданный вопрос и покосился на ди Ланцэ. Тот сглотнул и пришел на выручку:

— Что вы, милая виконтесса. Это всего лишь байки. По крайней мере, те, кто не живет в горах, уверены, что никаких гномов давно уж нет, а может, и вовсе никогда не было.

— Да я уж поняла, — покивала барышня. — А те, кто живет именно в горах или хотя бы бывает там столь же часто, как вы, знают правду, но чужим не скажут. Что ж, расскажите о чем-нибудь менее секретном.

Нико вынужден был честно признаться себе, что не успевает за ходом ее мысли, а может, и вовсе не понимает этот весьма причудливый ход. Одно слово, женская логика!

— Ну вот, скажем, однажды... — «О чем же ей рассказать?!» Почему-то в памяти упорно крутились все те же байки, после слов барышни выглядевшие далеко не так безобидно, как раньше.

Уголки губ виконтессы дрогнули, как будто она пыталась сдержать смех. А вот глаза смеялись — особенно, когда она произнесла, явно цитируя кого-то другого:

— Однажды ночью в мою палатку ворвалось дикое ружье, и я застрелил его из двустольного тигренка...

— Что, простите?

— Да так, ничего. Просто вспомнилось.

К счастью, наконец-то пришло время чаепития.

— Благодарю вас, господа, — барышня улыбнулась все той же очаровательной улыбкой. — Вы прекрасно меня развлекли.

«С вами и клоунов не надо», — добавила Женья мысленно, из последних сил пытаюсь удержать вежливую улыбку. Хотелось не улыбаться, а, по меньшей мере, ржать. Нет, ясно, что господа офицеры держат барышень за набитых дур, это они с Ларком уже проходили, но чтоб настолько!

А ведь в первую минуту едва не поверила! А что, магия здесь есть, почему бы и гномам не быть? Но вспомнился разговор с графом о фэнтези в один из первых дней здесь, сравнение «всей той горы чуши, которую вы, милая барышня, притащили из вашего мира» и магии этого мира, а заодно и объяснение: магии становится меньше, и то, что было привычным века назад, остается лишь в сказках. И сразу стало ясно, что именно сказками и кормят наивную девушку эти два, прости господи, боевых офицера. В общем, Женья их понимала... как-то, где-то... но спускать им это отношение не собиралась. «Еще посмотрим, кто за чей счет развлечется!»

Не закаленные чтением фэнтези господа офицеры явно впали в ступор, когда «милая виконтесса» начала рассуждать о третьей силе и тайных переговорах с гномами. «А смешно будет, если они сами поверят в собственные выдумки и их строгую секретность», — Женья с трудом сдерживала смех, и приглашение на чаепитие пришлось весьма кстати.

Она весело улыбнулась, поймав вопросительный взгляд тетюшки. «Дома расскажу, посмеемся!» Но сейчас должно было развернуться второе действие этого бесплатного цирка: дама Дариана коварно усадила «милое дитя» рядом с собой, указала фор Виттенцу на стул рядом, а племяннику предложила сесть напротив. «Обложили! Уж не хотят ли меня здесь скоростижно сосватать?!» — Женья вспомнила мельком оброненную жалобу шевалье на страстно желающих его женить кумушек и дала себе слово быть очень, просто чрезвычайно внимательной. «Постоянная бдительность», и никак иначе!

Хорошо еще, застольный этикет здесь оказался не таким замороженным, каким представляла его Женья по родному миру — хотя, конечно, она и там знатоком не была. Дамы, хоть и принадлежали к местному высшему свету, разливали себе чай сами, с милыми, слегка чопорными шуточками просили передать сахар или придвинуть ближе «вон те прелестные пирожные», в общем, атмосфера была уютная и почти родная.

— Выбирайте, милое дитя, — дама Дариана указала Жене на выстроившиеся в ряд расписные пузатые чайники, — клубничный, смородиновый, травяной согревающий и ромашка.

— Смородиновый я еще не пробовала, — Женя потянулась к чайнику, но фор Виттенц опередил: подхватил чайник и аккуратно и довольно ловко наполнил Женину чашку. — Благодарю, граф. О, как замечательно пахнет, — поторопившись скрыться от внимания кавалера за чашкой, Женя с удовольствием вдохнула аромат смородинового листа и ягод.

Фор Виттенц тоже выбрал смородиновый — наверное, из солидарности. Однако почему-то смотрел на свою чашку с таким выражением, будто собирался идти на штурм вражеской крепости. Ну да, если вспомнить первые дни у графа и визит к адмиралу, мужчины здесь предпочитают вино, а чай, видимо, сугубо дамское развлечение. Женя подавила в себе порыв предложить бедняге пироженку. Во-первых, издевательство же! А во-вторых, хотя нет, именно это во-первых и вообще главное, вдруг такое здесь воспринимается как ответное ухаживание?

Некоторое время разговор вращался вокруг общих тем: погода, здоровье родственников, ну а от здоровья был всего шаг до сплетен.

— Вы слышали, юного фор Гронтеша вчера перевезли в отчий дом?

— Да, доктор перестал опасаться за его жизнь.

— Зато у самого Реннара, я думаю, появились все основания опасаться за целостность кожи пониже спины. Оннар человек суровый, и у него мало причин быть довольным поведением сына.

— Нелль, дорогая, вы наверняка правы, но зачем же так вульгарно? — и общее хихиканье, на фоне которого подавившийся чаем фор Виттенц вдруг показался Жене смущенным мальчишкой. Да ладно! Можно подумать, господа офицеры в своем кругу отпускают исключительно пристойные шуточки?

— Суровая правда жизни, — пробормотала до сих пор молча слушавшая Женя. Дамы снова захихикали, а она спросила: — А чем может быть недоволен адмирал? Насколько я поняла, его сына ценит принц Ларк, это же хорошо?

Дама Дариана тонко улыбнулась, бросив быстрый взгляд на племянника.

— Все эти героические порывы, они, понимаете ли, милое дитя, хороши на войне. Реннар храбрый мальчик, адмирал может гордиться сыном. Но в столице неумная храбрость бывает несколько неуместна.

— Дуэли? — догадалась Женя. — Но ранен-то он, как я слышала, не в поединке?

— Тем хуже, — негромко пояснил шевалье ди Ланцэ. — Значит, во-первых, кого-то так против себя настроил или так оскорбил, что враг счел его недостойным честного поединка, а во-вторых, потерял бдительность и подставился.

«Бред какой-то, — подумала Женя. — Политические интриги и наемных убийц здесь вообще как вариант не рассматривают? Разве что дядюшка-граф и его друг из полиции, но неужели только они здесь способны мыслить логически?! Или это, наоборот, высоты логики, доступные лишь господам офицерам?»

— То есть вы, шевалье, хотите сказать, что Реннар фор Гронтеш сам виноват в своем ранении, потому что гулять по улицам столицы и даже по территории королевского дворца нужно бдительно, чтобы не подставляться убийцам, — пробормотала Женя. — Спасибо, я учту ваше предупреждение.

— Ну что вы, милая виконтесса, — хладнокровно ответил шевалье, — к дамам это не относится. Речь ведь шла о порученце его высочества.

«А он молодец. Или здесь не ловят на неосторожных словах за оскорбление власти, тогда, значит, король молодец», — Женя сама только теперь поняла, как двусмысленно с точки зрения политики прозвучало ее замечание. Впрочем, разве она не права? За безопасность на территории дворца уж явно отвечать должен не порученец принца.

— Молодой фор Гронтеш и вправду тот еще шалопай, он мог обзавестись недостойными врагами, — покивала дама, имя которой Женя благополучно забыла. Графиня фор-такая-то... так, дома с тетушкой всех повторить! И придумать какой-нибудь способ, как быстро запомни-

нать множество незнакомых людей по именам, титулам и в лица! «Не тяну я пока не то что на Миледи, но даже на банальную сплетницу! А «недостойные враги» — это прекрасно! Это нужно запомнить».

Чай в чашках убывал, блюда с пирожными и вазочки с печеньем пустели, разговор вился в том же духе, причудливо перепрыгивая с одной известной в столице личности на другую. Господа офицеры откровенно маялись, но, к некоторому удивлению Жени, не пытались смелить тему. То ли здесь не принято было разбивать общую застольную беседу на несколько более частных, то ли просто не хотели лишний раз обращать на себя внимание «ковена». Правда, фор Виттенц несколько раз предлагал Жене пирожные с дальних блюд, подливал чай и отпустил несколько замечаний к месту — Женья не всегда понимала, в чем соль очередной сплетни, но одобрителные кивки дам были достаточно красноречивы.

Она вообще чем дальше, тем больше ощущала себя нерадивой студенткой в последнюю ночь перед экзаменом — кое-какие имена слышала, о чем-то со слов тетушки знала, но все же новых сведений оказалось слишком много, чтобы легко уложить их в голову.

В какой-то момент тетушка Гелли, наверное, заметила постепенно захватывавшую Женью панику. Поймала ее взгляд и спросила, понизив голос, но ничуть не боясь, что ее услышит хозяйка дома или кто-нибудь из дам:

— Устала, деточка?

— Немного, — виновато отозвалась Женья.

— Деточка жила уединенно, — объяснила тетушка. — У нее совсем нет привычки к обществу. Дариана, дорогая, мы, наверное, отклоняемся.

— Ничего, милое дитя, — дама Дариана ободряюще улыбнулась. — Привыкнуть не так уж трудно. Вы всегда будете желанной гостьей в моем доме.

— Благодарю, — Женья и в самом деле была благодарна и даме Дариане, и ее подругам: ее опасения стать «гвоздем вечера» не оправдались. К ней присматривались, конечно, однако проявили деликатность и не стали расспрашивать.

Пожалуй, никогда еще Нико фор Виттенц не был настолько дезориентирован после знакомства с девушкой. Стало ли тому виной чужеземное воспитание Джегейль фор Циррент, или же, наоборот, вопреки воспитанию она удалась похожей на женщин своей семьи, не с первого короткого знакомства судить. Но принц оказался прав в одном — эта девушка совсем не похожа на других. Казалось, она вообще не знает, что такое кокетство, но и девичьего стеснения в ней не чувствовалось. Она вела себя... по-дружески?

Прощаясь с барышней фор Циррент и ее тетушкой, Нико знал одно — они обязательно увидятся еще. Он не успокоится, пока не разгадает эту внезапную загадку.

— Очень милая девочка, — заметила дама Дариана, когда экипаж фор Циррентов отъехал от крыльца. Обвела насмешливым взглядом племянника и фор Виттенца: — А вы что скажете, молодые люди? Самое время ловить невесту, пока к ней не пригляделись конкуренты.

— Тетушка, вы бесподобны, — рассмеялся Дастин. — Не знаю, какая из Джегейль фор Циррент получится жена, но ваш дамский кружок она точно дополнит прекрасно. Гарантирую!

— Очень странная девушка, но интересная, — все еще пребывая в задумчивости, проговорился Нико. Опомнися, всей кожей почувствовав пристальный взгляд дамы Дарианы, и торопливо спросил: — Ведь это правда, что она выросла на Огненных островах? И как же фор Цирренты ее нашли?

— О, это весьма, весьма необычайная история, — дама Дариана как-то очень ловко подхватила Нико и Дастина под руки и повлекла их обратно в сиреневую гостиную. — Мы с кухней Розалией слышали эту историю, можно сказать, из первых уст. Розалия, дорогая, ты ведь

меня дополнишь, если я что-нибудь позабуду? Или может, ты расскажешь, а я дополню? Молодые люди заинтересовались милой Джегейль.

Дамский кружок оживился, и ди Ланцэ, усмехнувшись, шепнул на ухо Нико:

— Мы попались, друг. Пока не женят, не выпустят.

— Считай это разведкой, — отшутился Нико. И обратился к его тетушке: — Благодарю, графиня, мы с радостью послушаем. Мне, признаться, было неловко спрашивать у самой барышни...

— Надо же, оказывается, и бравым военным не чужда деликатность, — рассмеялась дама Дариана. — Ну-ну, милый мой Никодес, не дуйтесь. Конечно же, мы расскажем вам о столь примечательной барышне. Розалия?

Дама Розалия довольно улыбнулась, оказавшись в центре внимания:

— Конечно. Вы помните, дамы, а вот молодые люди могут и не знать, как милая Гелли убивалась по брату. Арбальд фор Циррент был романтическим молодым человеком, о да, весьма романтическим. Бредил дальними странами и в шестнадцать лет вступил в Колониальный корпус. Прибыв на Огненные острова, он вызвался участвовать в опасной вылазке или экспедиции, — она развернулась к Дастину и Нико: — Как вы называете такие авантюры, из которых невелика надежда вернуться?

— По-разному, — хмыкнул Нико. — В зависимости от обстоятельств.

— Что ж, пусть будет экспедиция. Суть в том, что отряд не вернулся, и всех в нем сочли погибшими. Между тем Арбальд был только ранен, и его подобрала девушка из маленькой, затерянной в дебрях деревни. Она была очень красива и понимала наш язык — бывают же совпадения, отец этой доброй девушки был родом из Андара, моряк, однажды чудом спасшийся с разбившегося о рифы корабля. Впрочем, к тому времени он давно умер, так что Джегейль не знает, кем был ее дед с материнской стороны.

— Почти наверняка простолюдином, — вмешалась дама Дариана, — и вряд ли желавшим вернуться в Андар. Раз он прожил среди дикарей так долго, что успел научить дочь родному языку... К слову, Джегейль так мило вспыхивает, когда жителей Огненных островов называют дикарями, что я, пожалуй, попытаюсь отвыкнуть от этого слова.

— Что ж, девочка среди них выросла, но вовсе не напоминает дикарку, — дама Розалия с легкой укоризной покачала головой. — Джегейль вполне воспитанная, и Гелли говорит, что самая большая трудность с нею была — научить непринужденно носить платье, в остальном же это милое дитя ведет себя безукоризненно с первого дня.

— Но она выросла не в деревне, а в доме знатного человека, насколько можно, конечно, называть туземную знать знатью.

Дамы увлеченно пересказывали с рассуждений о родословной Джегейль на похвалы ее воспитанию, перемежали довольно скудные, на взгляд Нико, факты чисто женскими охами-вздохами, но общая картина складывалась и впрямь интересная, вполне соответствующая настолько необычной девушке.

Арбальд фор Циррент так и не оправился после ранения. Но он успел влюбиться в красивую девушку, добиться ответной любви и оставить после себя дочь. И, предчувствуя смерть, позаботился о том, чтобы девочка узнала о своей семье по отцу.

Джегейль росла с матерью, бабушкой и бабушкиными родичами, а те оказались, если переводить на привычные для Андара понятия, по меньшей мере, не простолюдинами. Нико затруднялся сказать, с кем можно сравнить «господина деревни», но подумал, что, пожалуй, не будет неприличным попросить разъяснений у самой Джегейль. Дамы не вникали в этот вопрос, отметив лишь то, что Джегейль тепло отзывалась о вырастивших ее людях. А вот как она попала к фор Циррентам — о, эта часть истории звучала совершенно фантастично!

Джегейль вполне счастливо жила на Огненных островах, у нее и в мыслях не было отправляться на край света в поисках родни отца. Ей хватало здравого смысла сомневаться, что незна-

комое ей семейство фор Циррент радостно встретит неизвестную девушку, называющую себя их родственницей. Но однажды она совершенно неожиданно, непонятно как, с собственного двора перенеслась в Чародейный сад.

— Маги начудили в Осенний перелом, так сначала подумал граф фор Циррент, — увлеченно рассказывала дама Розалия. — Но вы же понимаете, что такое происшествие нельзя оставить без расследования! И выяснилось, что магистр Страунгер пытался совершить запретный ритуал! Пробить канал не куда-нибудь, а в Замирье, — дама сделала драматическую паузу, чтобы все успели проникнуться несусветной глупостью покойного Страунгера, и понизила голос до полусшепота. — Ему нужна была дармовая магия, вот канал и пробился в богатые магией места. И подхватил то ли первого же человека, то ли первого с андарской кровью — не зная тонкостей того ритуала, не скажешь. Страунгер не справился с силой, упустил власть над ритуалом, и в итоге погиб совершенно посторонний маг, случайно оказавшийся рядом с ним! А Джегейль, вместо того, чтобы погибнуть — да, Гелли мне шепнула, пока деточка не слышала, что для того ритуала нужна была жертва! — так вот, Джегейль просто очутилась вдруг в совершенно чужом, незнакомом месте, одна среди пьяных мужчин, бедное дитя! К счастью, рядом случился кто-то из Тайной Канцелярии, так девушка и оказалась в кабинете собственного дяди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.